

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

СИМБИРСКЪ

12+

№8 (86)

ОКТАБРЬ
2020

Издание осуществлено
при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Главный редактор Елена Викторовна Водкина (Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11, ком. 219.
Телефон редакции: 41-04-32
Сайт: www.litsimbirsk.ru

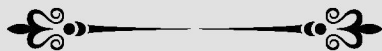
Подписано в печать 19.10.2020 г.
Дата выхода 26.10.2020 г.
Тираж 700 экз. Заказ №1102-к

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Контур», 127282, г. Москва, проезд Студеный, д. 4, корпус 1, помещение V, К 15, т.: (8332) 228-297, www.printtown.ru.

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №8 (86), 2020

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова и Валерия Толкачёва.
Фото на обложке: Владимир Ламзин. Памятник Карамзину. Новый ракурс.
На обороте: Владимир Ламзин. Сквозь листву.

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье», тел. 8 (8422) 41-01-41.

В период самоизоляции вы можете пригласить на дом почтальона для оформления подписки на журнал.
Телефон для справок 89176381583

Оформить подписку
на I полугодие 2021 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью Интернета
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

Литературно-художественный 12+
и культурно-просветительский журнал
«СИМБИРСКЪ» №8 (86), октябрь 2020

Содержание

Просто благодарю. Слово редактора.....	3
Архив	
Татьяна Громова. Из жизни русской провинции.....	4-7
Литературное наследие	
К 125-летию Сергея Есенина	
Николай Переяслов. Блондин. Среднего роста.....	8-10
Вера Долматова. День с Есениным.....	11
Река воспоминаний	
Пётр Смолкин. Что было, то было.....	12-25
Страна поэзия	
Светлана Матлина. В глухую пору листопада.	
Стихи.....	26-30
Татьяна Мельник. Вьется шёлковая нить.	
Стихи.....	31-32
Ветер странствий	
Геннадий Иванов. Аул Цада – аварские Афины.....	33-34
Расул Гамзатов. Ты - колыбель моя, Цада!.....	35-37
Геннадий Иванов. Я люблю вас, горы Дагестана.....	38-40
Владимир Крупин. Полёт журавлей.....	41-42
Елена Кувшинникова.	
Волга впадает в Каспийское море.....	43-48
Фестиваль «Дни белых журавлей».....	49-52
Осень в Тарханах.	
Фотографии Марины Бирюковой.....	53-56
Гость	
Марина Бирюкова. Вся надежда на осень. Стихи.....	56-62
Наталья Егорова. Русской провинции свет. Стихи.....	63-66
Екатерина Богданова. Таврида – 2020.....	67-68
Перекрёсток	
Сергей Гогин. Антиутопия как предупреждение.....	69-71
Евгений Сафронов. Город У. Повесть.....	72-102
Черемшан	
Памяти писателя Александра Никонова.....	103
Александр Никонов. Сказки.....	104-107
Раиса Кашкирова. О новой книге Е. Ларина.....	108-110
Дорога к храму	
Иеромонах Пантелеимон (Кравец).	
Добрый дедушка и другие рассказы.....	111-117
С любовью ко всему родному	
Валентина Латанова.	
Укажи мне пути Твои (продолжение).....	118-126
Маргарита Смирнова. Лоскутная радуга – 2020.....	127-132
Мир чуда и волшебства. Картины Н. Сюевой.....	133-136
Наталья Сюева. В жизни главное – сама жизнь.....	138-139
Молодые голоса	
Александр Бухарин. Стихи.....	140-142
Полина Смородина. Красная герань. Рассказ.....	143-145
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО.....	146-149
Юбилейный календарь.....	150-176

Евгений САФРОНОВ, прозаик, кандидат филологических наук, фольклорист, член Союза писателей России, лауреат премии им. И.А. Гончарова.

Автор более 30 научных публикаций, в том числе – монографии «Сновидения в традиционной культуре. Исследование и тексты». Автор книг: «Жонглер и другие рассказы», «Ерошкин – предсказатель из Кувая. Повести и рассказы», «Экспедиция. Бабушки офлайн». Рассказы публиковались в журналах «Симбирскъ», «Карамзинский сад», «Литерра Nova», сборниках «Отражения», «Первая роса», «Зеленая лампа 2.0», ульяновских газетах, интернет-журналах «Пролог», «Иная реальность» и др. Многие годы собирает сведения о людях, обладающих необычными, сверхъестественными способностями. В художественной форме обобщает свои наблюдения, почерпнутые из встреч и интервью с реальными рассказчиками. Основной жанр произведений – философская и научная фантастика.

«Новая повесть – она и про наш город, и одновременно – не совсем. По крайней мере, написана на основе многих реалий «Ульяновска таинственного», моих бесед с горожанами». Е. Сафронов.

ГОРОД У.

Повесть

Город-сказка, город-мечта...
(из песни)

Глава 1. Вид снизу. Бригадирка

1.

«Эй, чуваки! «Я свобо-о-ден! Словно птица в небеса-ах!..» Так, впереди кирпичная стенка, о-опааа! Прыжок, еще прыжок – и снова вперед. Хэй-хо!..

О, стоп, чел! Тут дело посерьезнее. Слушай приказ, Рослик! Нужно махнуть с заброшки вон на тот сарайчик. Да, квестик не из лёгких: крышка-то у сарая с гнильцой. Но я верю в тебя, верю...

Эх, говорила мне мама: сиди на жопе ровно – целёй будешь. Пошёл-пошёл-пошёл! Хо-ба! Группируемся! Есть! Выдержала крышка-покрышка!..»

Рослик лежит на бетонной свае, позеленевшей от дождей и времени. Ему удобно и хорошо, в руках блестит губная гармошка. Глаза упираются в небо, солнце – космическая батарейка – иногда показывается из-за облачной ваты и подпитывает его уставшее тело.

«Замаялся я сегодня чё-то, – думает парень. – Но как же, блин, клёво, чуваки! Как же клёво...»

На груди его, которая слегка поднимается и опускается, лежит спецхайратник с укрепленной экшен-камерой. Дома он обработает заснятое и кинет в «Ютуб». Пусть народ прикалывается.

Он медленно, будто нехотя подносит к губам гармонику и начинает лабать что-то блюзовое, в духе старика Сонни Боя...

Рослику восемнадцать. У него вороньи волосы, стянутые в короткий пучок на затылке; тату сзади на шее – драконья морда с девичьими глазами; и цепкие худые пальцы на мускулистых руках. Он не учится и не работает. Он просто живёт. Он руфер, трейсер и сталкер. Город он любит – только не тот, что течёт мимо окон маршруток, авто и трамваев; не тот, что виден из серых глаз домов, поставленных раз и навсегда одними и теми же боками друг к другу. Нет. Он обожает другое: город крыш и зовущих к себе подвалов, город незаметных заброшек и живущих своей жизнью ливнёвок и коллекторов.

Да, Рослик город любит. А вот самому У. и у..цам Рослик на фиг не нужен. Короче, чуваки, полнейшая взаимность.

2.

Рослику было девять, когда отец сорвался на стройке с многоэтажки. Он упал на забор, прикрытый сверху жестяной крышей-временкой, которая предохраняла голову случайного прохожего от скользкого кирпича.

Память до мельчайших деталей сохранила, как проходили похороны. Приехала отцовская сестра Антонина из Казани – она-то и хлопотала, где и как удобнее-подшевле. Мать не спала две ночи, совсем не отходила от гроба, и глаза ее стали похожи на сливы-падалицы, обведенные несмываемой тушью.

– Рослик, ты поплачь, поплачь: ведь полегче станет! – уговаривала мальчика казанская тётка, а тот смотрел на нее и хотел убежать из дома – подальше от маминых глаз и папиного гроба.

После кладбища на Заречной он так и сделал. Мать с полицией искали его три дня, он вернулся сам, закрылся в своей комнате и целые сутки рисовал динозавров. Ему больше всего нравились трицератопсы, а отцу – диплодоки.

Папа два года назад подарил ему клёвую книгу – атлас-определитель юрского периода. Закачаешься, какие иллюстрации! Он хотел эту книгу положить папе в гроб – сбоку, но тетка Тоня не позволила. Ему, дескать, можно только иконку, какой-то венчик на голову и – в крайнем случае – часы и расчёску. Книгу про динозавров никто в гроб не кладет. В тот момент мальчик и решил сбежать от них ото всех...

Затем всё затянулось и поросло. В школе на него с месяц смотрели сочувственно, и он ненавидел эти взгляды. А потом про него и его отца забыли – и слава те, яйца! Спасибо за радости-крохотульки!..

Мать после смерти папы изменилась: говорила с сыном мало, стала курить в зале, забывала спрашивать, что он ел в школе и где пропадал по вечерам. Через год она привела домой дядю Серёжу, и Рослик снова убежал из дома. Когда его нашли, то поставили на учет в полиции, а мать несколько раз вызывали в опеку. Больше она никого не приво-дила, но зато задерживалась допоздна. Ее сына это вполне устраивало.

3.

Про Бригадирку он впервые узнал от чела с ником Синдром.

«Кароч, под самым центром города течёт речка-вонючка. Ее лет 70 назад окольцевали в бетон, называется Бригадирка. Раньше на месте Либкнехта и Маркса овраги же были... Говорят, зимой по бетонке можно пройтись. Весной и осенью – соваться туда нельзя: смоев нахер...».

Он написал Синдрому в личку: то да сё, про Бригадирку – ваще отпад! Как смотришь на то, чтобы вместе слазить туда?

Когда они фейс ту фейс встретились, Рослик выпал в осадок. Синдром оказался девчонкой. Ходила она в камуфляжных штанах, материлась, брилась наголо и была покрыта татушками, как дороги весеннего У. – рытвинами и колдоёбинами.

Он втюхался в нее с первого взгляда. До Бригадирки они виделись всего ничего, в основном, списывались в ВК. Она слушала мётал, загонялась по аниме и терпеть не могла книги. У Рослика было ровно всё наоборот, и, наверно, из-за этого его так магнитило к ней.

Бригадирку наметили на июль: Синдром говорила, что так будет безопаснее. Сама она никогда туда не ходила, но общалась с местными диггерами по этому поводу – они ей даже по инету карту скинули, рисованную от руки.

– Я, конечно, могла бы с собой Димыча позвать – он бы нас провел по бетонке без проблем, но это была б не вылазка, а говённая экскурсия. Не интересно ни фига, блин!

Рослик ее в этом полностью поддерживал. Он вообще старался ей не возражать, потому что балдел от одного ее присутствия. Мечтал быть с ней рядом и, конечно, хотел слазить в бетонку вдвоем: «Зачем нам какой-то Димыч? Мы чё: без рук, что ли?».

Готовились основательно. Мать давала Рослику карманные деньги каждую неделю. Про учебу она давно перестала выносить ему мозг: поняла, что бесполезно. У него за два месяца подкопилось баблишко; кое-какие запасы имелись и у Синдры. Он ее теперь Синдромом не называл: не нравилось ему так, потому что болезнь какую-то напоминало. А вот «Синдра» – это клёво. Необычно, и для девчонки подходит.

Купили хорошие налобные фонари и две пары болотных сапог – это всё добро в «Охотнике и рыбаке» нашлось. Синдра пошарила еще по объявам – бэушно дешевле – нашла себе и ему непромокаемые штаны и болоньевые куртки.

– Если что – их потом просто выкинем да и всё, – объясняла она, вытаскивая из сумки купленное на «Авито» барахло. – Примерь, тебе должно подойти. О, зыркай: твоя даже утеплённая. Это гуд, в бетонке ведь не пляж: по-любасу холоднее будет, чем сверху.

Накануне вечером Синдра черкнула ему в личку: «Рослан, а ты крыс боишься? Димыч вон пишет, что там бегают – попадаются, да. Кстати, по трубе ведь не только Бригадирка течет, туда еще и все центровские ливнёвки запустили. В курсе про то?».

Рослик отвечал, что крыс он голыми руками ловил, а насчет ливнёвок – слышал, ага, от того же Димыча. Ну и всё. «Кароч, встречаемся в 10 утра у Каткиного родника, как и договаривались».

Бригадирка

Ночью ему приснился темный подвальный коридор, по которому шныряли гигантские крысы с двойными рядами зубов. А еще ему привиделся папа: он сидел перед кроватью на стуле и ласково гладил сына по волосам. Проснувшись, Рослик сон про крыс вспомнил, а про отца забыл.

4.

В Каткином роднике побултыхались основательно: чтобы пролезть в бетонку, пришлось утонуть по пояс. Рослик подтянул свои непромокаемые штаны чуть ли не до под мышек; то же сделала Синдра.

– Охереть! – выдохнула девчонка, когда они наконец оказались в бетонной трубе и прошли первые метры тридцать. – Подсвети-ка, я чуток на смартфон красотищу сниму. Блин, вода всё равно просочилась – до самых титек достало. А ты как?

Рослик пожал плечами и украдкой посмотрел туда, где у Синдры должны быть эти самые «титки». Налобный фонарь ушел вслед за взглядом, и спутница зашипела на него:

– Ну чего не светишь-то? Щас фотку сделаю – отправлю на форум и в ВК. Тут связь еще есть. Но Димыч говорил, что здесь попадаются места, где ни фига не ловит. Это примерно через полкилометра... О, видал? Круто ведь? – она сунула ему смартфон в лицо, и Рослик узрел космос. На фотке желтоватосклизкая, облепленная многолетними грязевыми наростами труба, по черному дну которой бежала Бригадирка, выглядела словно вход в волшебную пещеру, другой мир, который не имел ничего общего с повседневно-привычным У.

Ему тоже захотелось пофоткать, но Синдра уже умчалась вперед.

– Ё-мое! – услышал он её голос. – Да тут завальчик! Димыч предупреждал, что может быть такое. Придется лопаткой немного поработать, иначе не пролезем. Готов, Рослан?

Завал был небольшой – чуть выше пояса – и образовался из грязи вперемешку с кусками смытого по весне асфальта, мелких камней и мусора. Разгребли его быстро – за какие-то двадцать минут. Потом Рослик подсветил карту, которую они на всякий случай распечатали и обернули в целлофан. Ее, конечно, можно было посмотреть и на смартфонах, но надо беречь энергию для фоток и связи.

– Чё, попёрли? Карта нам потом пригодится – есть там пара сложных развилок, где можно заплутать. Димыч говорил.

Он потопал за девчонкой, подымая болотными сапогами иловую взвесь со дна; холодная вода Бригадирки почти везде держалась ниже колен. Ново-явленный диггер светил налобным фонарём в болоньевую спину своей спутницы и считал, что впереди всё-таки должен идти именно он. Но говорить об этом вслух не хотелось – Синдра бы его высмеяла и обматерила.

5.

Судя по карте и рассказам олдových диггеров, их путь по Бригадирке должен был занять несколько часов. Говорили, что общая длина трубы – около двух километров, затем речка, освобожденная от бетонного плена, текла по своему обычному руслу вплоть до притоков Волги-матушки. Конечной их целью был Татарский овраг: там наружу выходила большая канализация со сломанными решетками.

– Главное – свернуть в нужных местах и не перепутать ливневые трубы. Остальное – дело техники! – наставляла Рослика Синдра. Он это и так знал, они сто раз обсуждали с ней маршрут, готовясь к вылазке. Но девчонке нравилось верховодить, а ему хотелось слушать ее голос, который звучал здесь совершенно иначе, чем на поверхности.

«В наружности всё другое – одинаковое, привычное, без тайны и радости», – думал диггер, поправляя свой небольшой рюкзак. Там бултыхались запасной фонарик, старая губная гармошка, бутылка с питьевой водой и таблетки анальгина – на всякий пожарный случай. Еды никто из них не взял, поскольку они и не думали здесь трапезничать. А лишний груз, как известно, – это лишние проблемы.

Шли некоторые время молча. Потом Синдра, не поворачиваясь, спросила его:

– А у тебя секс был?

Парень не смог сразу ответить, потом застенялся того, что не отвечает, и немного даже разозлился на идущую впереди.

– А у меня – уж сто раз! – девчонка как ни в чем не бывало продолжала шлёпать сапогами впереди. – Прикольнo, конечно, но, честно говоря, скучно. Бригадирка – лучше секса, скажи, Рослик?

Он услышал ее смех, глухим эхом отразившийся от стен бетонки. Губы у него почему-то пересохли, а руки похолодели. На миг ему даже стало так плохо, что он подумал: «Вот щас бухнусь лицом в речку! Интересно, как она меня будет отсюда вытаскивать?».

– А связь и правда исчезла! – сообщила Синдра. – Очуметь! Мы вообще как в другом мире, да? И кто знает, что там сейчас наверху? Вот случись какая-нибудь ядерная война, а мы тут с тобой и не знаем! Прикинь: вылазим, а там – ничегошеньки. Только пепел и развалины...

Он попробовал вообразить то, о чём она говорила, но не смог. Он вообще не мог отчетливо представить, что было на поверхности, – так, будто спустился в бетонку десятки лет назад.

– Ро-ослан, ну чё-то ты всё время молчишь-то? Уж не перетрухал ли, а? – она снова засмеялась и зачем-то сняла черную вязаную шапочку, которую

надела перед тем, как залезть в бетонку. Фонарь высветил ее лысую голову с маленькой татуировкой русалки на виске.

Диггер вспомнил историю, которую он где-то читал или слышал краем уха: якобы у родника, с которого начинались труба, давным-давно жила некая Екатерина. Как-то она влюбилась в парня, а он ее бросил. И тогда девушка пошла и утопилась. А затем люди начали поговаривать, что видят ее на камне: сидит, мол, и чешет волосы гребнем. С тех пор родник и прозвали Каткиным.

– Как ты думаешь: мы можем наткнуться здесь на чё-то необычное? – спросила лысая напарница. – Или страшное? Например, на чей-нибудь сгнивший трупешник?! Или крысы щас ка-ак прыгнут сверху! А?.. Ну, Рослан, ну, расскажи чё-нибудь...

– Окей, – согласился начинающий диггер и посмотрел на желтовато-черный верх бетонки. – Давай я тебе про заброшки толкну...

Синдра кивнула. Она любила, когда он рассказывал про заброшки и паркур, потому что считала его в этом деле олдovým – почти как Димыча в диггерстве.

– Кароч, на севере есть одна заброшка – бывший консервный завод. Не была там? – начал Рослик. – Я вот решил как-то в одиночку порыскать в этих краях. Место клёвое, стены офигительные – я сам пару граффити там сотворил. Мы с парнями на первых этажах всё излазили, а вот до чердака не добрались – решетки везде. Я прихватил тогда с собой инструментик – ножовку по металлу. Думаю: может, подпилить удастся. Тогда я первый буду, кто туда ходку сделает, – мужики иззавидовались бы...

Синдра шлёпала сапогами впереди, сосредоточенно слушая его. Он был рад, что она молчит, и говорил медленнее обычного, чтобы между словами улавливать шепот Бригадирки.

– Нашел местечко, которое давно приметил: такой лаз овальный с тонкими решетками. Стал пилить. А металл, когда пилишь, – сама знаешь, звук неприятный, громкий – на весь завод разносится. Я увлёкся, кароч, пилю и пилю – осталось там два прутика. И чё-то пить захотел, сунулся в рюкзачишко и слышу: скрип. Как дверь будто. Звук идет с той стороны – с чердака. А я, понимаешь, точно знаю, что там никого не может быть: со всех сторон всё заварено, никак туда не заберешься...

– И чё? – Синдра остановилась и повернула свой налобный фонарь ему в лицо. – Кто там был?

– Ну, пойдём, пойдём, щас дорасскажу... – девчонка снова потопала вперед. – Я весь такой напрягся, прислушиваюсь. Думаю: может, показалось. Или ветер чёго-то там зашптал – железку какую-нибудь. И тут: топ-топ-топ! Шаги...

Синдра замерла и опять повернулась к нему:

– Иди-ка ты, Рослан, впереди... Чё-то я это... Кто из нас сильный пол?

Парень улыбнулся и протиснулся мимо нее, коснувшись пальцами холодной влажной поверхности трубы. Он уже начал привыкать к запахам плесени, мокрой грязи и старого бетона, которые проникали в самый мозжечок, заражали изнутри.

– Ну и чё, Рослан? Ты меня прям заинтриговал. Кто это был?

– Обожди. Телегу быстро не толкают, – отвечал

довольный исследователь заброшек. – Похлопали дальше, щас всё узнаешь... Значит, труханул я. А кто бы не труханул? Сижу – шевельнуться боюсь. Гляжу на решётку во все глаза. А шаги такие мягкие, чуть слышные. «Всё, – думаю, – это Чёрный Сёма по мою душу пришел. Пипец, кароч...»

– Кто? – девчонка шла уже на автомате, совсем забыв, где находится: настолько ее заняла история Рослика. – Что за Сёма?

– Так ты не слышала, что ль, про него? О, это отдельная хистари, моя девочка! – он явно был сегодня в ударе, но Синдра его быстро вернула на землю.

– Не называй меня так! Понял, ты?! Никогда! – что-то в ее голосе заставило его замереть на месте.

– Да что я сказал?

– Что слышал! Не называй меня «девочкой», – как ты только что сказал.

– Окей, окей. Остынь. Да чего ты так окрысилась?..

Синдра не ответила, и они шли с минуту молча.

– Ну чё там дальше-то? – она не умела извиняться, но по тону он понял, что та сожалеет о случившемся.

– Ну это... – диггер задумался, смотря на пляшущую в свете фонарей темноту бетонки. Ему вдруг показалось, что из этой трубы они уже никогда не выберутся и что это очень плохая идея – спуститься сюда...

– Ты на шагах остановился, – напомнила ему присмирившая Синдра.

– Ага. Я, кароч, сижу весь такой на стрёме, оцепенел, как цуцик. А за решеткой – молчок. Кто-то прямо к лазу с той стороны подошел и смотрит на меня, а я на него. А там же сумрак – на чердаке окошек нет, точнее, есть, но они маленькие и замызганные. А я прям вижу эти светящиеся глаза... И вдруг: мя-ау! Мя-ау!

Синдра засмеялась, и Рослик тоже загоготал. Им обоим сразу стало легче, страх ушел.

– Кот, прикинь?! Ну я его шуганул, допилил там решетки, полазил по чердачку – очуметь местечко. Потом пацанам рассказал – тоже ржали...

Тут они остановились. Откуда-то издали, из каких-то земных глубин, послышался звук, похожий на вздох. Глубокий вздох кого-то чудовищно большого.

– Что это, Рослик? – из голоса Синдры исчезла прежняя крутость. Он вдруг увидел в ней другого человека – совсем маленькую и испуганную девчонку. «Она вполне могла быть моей сестрой – если бы папа не упал тогда на стройке...», – подумал он и тут же ощутил, как что-то мягкое коснулось его волос. Он вздрогнул, провел ладонью по голове, ожидая наткнуться на какую-нибудь мерзость – типа жирного паука. Но ничего не обнаружил.

– Не знаю. Станный звук. Будто что-то где-то открылось. Или прорвалось.

– А мне показалось... – Синдра поёжилась. – Будто кто-то вздохнул. Кто-то огромный.

– Не-е, – протянул трейсер и графер. – Это что-то снаружи. Может, в ливнёвках чего-нибудь... Связь, кстати, не появилась?

Девчонка отрицательно мотнула головой.

– Ну тогда вперед. Скоро первая развилка должна нарисоваться.

6.

Если бы начинающие диггеры прошли еще буквально шагов двадцать и взглянули на свои смартфоны, они увидели бы, что значки антеннок оживились. Связь тут постоянно то пропадала, то появлялась. Кого-нибудь из них могла бы осенить идея зайти в поисковик – и тогда бы они узнали главную новость. Над У. в этот момент бушевал настоящий водяной котел: хляби небесные разверзлись, и пошел сильнейший за последнее десятилетие ливень. Как уверял местный новостной портал, за какие-то сорок минут выпала полуторамесячная норма осадков.

Другим районам города пришлось несладко: ливнёвки прочищались здесь еще при царе Горохе, и на улицах вода затопила стоящие авто чуть ли не по крыши. А вот в центре, где под землей протекала Бригадирка, ливнёвки старались поддерживать на должном уровне. И вода, скопившаяся на городском асфальте, бурным потоком уходила вниз – в русло речки-вонючки, закольцованной в бетон.

* * *

– Так, ага, кажется, там развилка! – объявил Рослик. Они увидели что-то темное, перегородившее путь.

– Нет, опять завал. В этот раз покруче будет – до самого верха! – в его спутницу опять вселилась прежняя Синдра: вернулись самоуверенность и верховодство. Впрочем, ему было не до психологических оценок и наблюдений.

– Да-а, тут на час работы! А может, и на два, – он вздохнул и снял с плеч рюкзак, к которому была привязана саперная лопатка. – Свети, Синдра, копать будем. Диггерство, как известно, требует жертв.

Минут через пятнадцать он решил перевести дух, воткнул инструмент в грязь завала и попросил спутницу открыть ему бутылку с минералкой.

– Верх уже, по-моему, освободился. Я чувствую с той стороны какой-то ветерок – воздух другой идет, свежий. Наверно, с ливнёвок. Чуешь?

Синдра принюхалась и махнула рукой.

– У меня вечно нос забит – с детства. Мне поэтому любые запахи по барабану...

Тут снова кто-то тяжко вздохнул. На этот раз звук сопровождался хлопком – будто совсем близко что-то прорвалось и освободилось.

– Рослан, что это? – Синдра оттолкнулась от бетонной стены, к которой она прислонилась. Рюкзак приходилось держать в руках и за спиной: в воду их ведь не кинешь.

К ним кто-то приближался – нёсся галопом, будто осатаневший конь. Рослик выдернул лопатку из грязи и подался назад.

– Хрен знает... Синдра, давай-ка от завала отойдём! Слышишь, Синдра?! Назад дав...

И тут завал взорвался. По крайней мере, так сначала подумал Рослик. Вот только что им преграждала путь слепленная в единую пластилиновую массу куча грязи, ила и камней – и через секунду ее не стало. Черно-серый поток воды локомотивом врезался в оцепеневшую парочку и помчал их по трубе, словно детские кораблики.

Рослик услышал визг девчонки, а потом его голова встретилась с чем-то твердым, и сразу стало темно и тихо.

* * *

– У каждого города есть два лица – наружное, повседневное, официальное и скрытое, подземное, подлинное. И еще у городов есть особинка. Понимаешь, Рослик? Без особинки город мёртв, как вздувшаяся волжская рыба, которую давным-давно выбросило на берег...

Отец сидит на земляной кочке, поросшей паутинкой светло-зеленого мха. Светит солнце, и поют птицы; их полянку окружают пихты, сосны, дубы и березки. За ними покачиваются пальмы – а может, и какие-то другие деревья. Пахнет лесным нагретым воздухом. Он полулежит у папы в ногах и слушает его голос.

– У. – тоже с особинками. Их не так много, но они есть. Вот хотя бы баба Катя в 41-м доме по улице Розы Люксембург, любопытный у нее случай вышел... Или тётя Зина на Карла Либкнехта – она лечит. Всю жизнь лечила. Это я тебе, Рослик, людей называю. Но город – это не только люди, их отношения, действия и чувства. У. – это намного больше. Тут две реки, текущие в разные стороны. Тут мосты и свалка, новостройки и заброшки, столовая и темный коридор, трамвайные депо и канализационные коллекторы. Бродячие собаки и охотники на них. Малиновка и склепы. Везде своя жизнь, свои тайны.

И знаешь что? У. их не открывает абы кому. Тут нужен особый интерес и особый подход. У. не любит тех, кто его не любит. Этот город не столько христианин, сколько язычник, – отец улыбается и гладит сына по голове.

От этого легкого прикосновения Рослику становится хорошо и спокойно. Ему хочется слушать отца, внимать каждому его слову, остаться с ним здесь навсегда.

– В У. можно прожить всю жизнь и даже не увидеть его второго лица. Каждый Божий день мотаться по одному и тому же маршруту: дом – работа, дом – учеба. Туда-сюда, туда-сюда. Глаз замыливается, ты перестаешь что-либо замечать. А что тут замечать? Провинциальное городишко, потёртые трамвайчики, облезлые хрущёвки, озабоченные спины маршрутчиков и прохожие, прохожие, прохожие. Даже Мемцентр – и тот облезлый. Вся наша жизнь – это облезлость и скучная хореография из одних и тех же движений туда-сюда, туда-сюда...

Отец двумя ладонями берёт Рослика за подбородок и тянет его голову чуть вверх, чтобы их глаза встретились.

– Так вот, сын. Это не так. Мир другой. И У. – другой. У всего есть свои особинки, до них нужно просто дойти, достучаться, врать в них. Спроси У. – и он тебе ответит. Он любит тех, у кого сердце исследователя. Город ничего не скрывает от своих жителей и гостей, он весь – как на ладони. Нужно просто искать, но искать не тайну, не загадки, а разгадывать его повседневность, видеть в обычном необычное. Понимаешь?

Рослик кивает. Ему кажется, что он всегда ждал и жаждал именно этих слов. Как же ему хорошо с отцом! Он никуда больше от него не уйдет, он всегда будет с ним. Всегда.

– Не-ет, – шепчет отец, и черты его лица колеблются. – Ишь ты чего удумал! Это легче всего –

остаться. И зачем же тогда идти вперед? Зачем ты тогда покорял Бригадирку? Чтобы остаться – и всё? Нет, нет, Рослик, так настоящие исследователи не поступают. Тем более что ты потащил за собой девчонку – тут уж нельзя. Тут уж надо быть мужиком, Рослик... Рослан! Рослан! Вот ё-мое! Очнись же, господи! Очнись!

Его трясли и лупили по щекам. Он разлепил веки и первое, что ощутил, – везде и всюду было мокро. Он сам сидел по пояс в воде, а над ним кто-то стоял и лил ему в глаза нестерпимый свет.

– О-ой, ё-оо... – заскрипел он, и его перестали трясти. – Не свети ты мне в глаза...

– Росличек, Рослёночек, миленький! – Синдра обняла его. – Я думала, ты окочурился, блин. Смотри: у тебя кровь!

Ему захотелось тепла и сухости. Но встать он не мог, и воды Бригадирки – еще взволнованные и мутные – обтекали и охладили ему живот и спину.

– Помоги мне встать, Синдра. Я замёрз!

Девчонка наклонилась и, вцепившись ему в руку, помогла подняться. У него дрожали ноги и болела голова. Только тут он заметил, что его налобный фонарик исчез. Рюкзак и лопата тоже испарились.

– Я долго валялся?

– Минут десять. Меня отнесло метров на сто от тебя, но, слава Богу, не долбануло ничем. Ногу вон только задело – по коленке сильно царапнуло. Арматура какая-нибудь, наверно. А ты приложился башкой обо что-то...

– Это, наверно, дождь... Ливнёвки прорвало, – Рослик сделал два шага и понял, что набрал полные сапоги воды. – Надо выбираться отсюда – иначе задрыгнем здесь до смерти. Воду щас только вылью из сапог.

Девчонка смогла уберечь свой рюкзачок, в котором правда болталось не бог весть какое богатство – полбутылки воды и запасной фонарь.

– Рослик, а куда двинем-то? Назад?

– Чёрт! – диггер только что открыл, что он, мимо прочего, посеял и свой смартфон. У Синдры телефон остался, но отказывался включаться: видимо, села батарейка.

Он попросил дать фонарь и осветил обе стороны трубы: налево или направо?

– По логике, надо бы назад двинуть – к Каткиному роднику. Но это часа два ходьбы. Мы, в принципе, должны уже были до ливнёвок дойти – тут выход прям близко. Лучше пойти к развилке.

И они двинули по прежнему маршруту, выбрав вариант совсем не из лучших.

7.

До первой развилки доковыляли через час. У Синдры разболелась поврежденная нога: судя по всему, она ее не просто поцарапала, а задела серьезнее. Она с каждым шагом хромала всё сильнее. Рослик, несмотря на головную боль, чувствовал себя неплохо. Конечно, очень хотелось жрать и промокшие ноги превратились в льдышки. Но в целом – терпимо. Он готов был идти дальше.

А вот Синдра совсем скисла. Не прибавило ей настроения и новое открытие: ливневая труба, по которой они надеялись выбраться из бетонки, забилась вусмерть – не подкопаешься.

– Надо идти ко второй ливнёвке. Это недалеко. Карта у тебя? – спросил Рослик.

Карты у девчонки не оказалось: он вспомнил, что положил ее в свой рюкзак, который сейчас валяется где-нибудь в завале, если его вообще не протащило до самого Катькиного родника. Больше всего он жалел о старой губной гармошке, уплывшей вместе с рюкзаком. Эта гармоника ему всегда напоминала об отце, хотя тот никогда не слышал, как играет сын: музыка пришла уже после смерти папы.

Синдра прислонилась спиной к мокрому бетону и заплакала.

– Рослик... я больше не могу идти! Нога... вообще охренеть как болит. Надо было назад двинуть – мы щас уже до родника доползли бы.

Увидев ее слезы, он смутился и почувствовал себя виноватым.

– Ну, не кисни, Синдра! Осталось совсем ничего. Дойдем. Я тебя донесу, если надо...

Она не отвечала. Закрыв глаза руками, продолжала всхлипывать. Он подошел к ней, попытался обнять, но она оттолкнула его.

– Убери лапы! Щас пойдем уже. Диггер хренов! Чтоб я еще куда-нибудь сунулась с тобой – да не в жисть! Попёрли, говорю... Бери мой фонарь.

Он закрепил на голове ее фонарик, а запасной спрятал в уцелевший рюкзак. Девчонка сделала всего несколько шагов и закричала зубами.

– Чё, сильно болит, да? – спросил он. – Эх, у меня ведь в рюкзаке анальгин был. Легче было бы... Опирайся на меня, давай руку!

В этот раз она его не оттолкнула, и они, спотыкаясь о мелкие камни и куски асфальта, которые сюда притащил недавний ливень, похлопали дальше. Синдру начало знобить.

* * *

Шли целую вечность. Сначала девчонка еще храбрилась, а потом совсем расслабилась. Он буквально тащил ее вперед, держа за пояс, затем – волок под мышки. Наконец, она остановилась и сползла по стене прямо в воду. Он попытался ее поднять, уговаривал, она не отвечала, плакала и закрывала глаза.

– Синдрочка... Давай хотя бы до кочки какой-нибудь дойдем, до камня или грязи – где посуше. Нельзя в воде сидеть!

Та отворачивалась, плевалась и говорила, что-бы он уё..л отсюда. Тогда он сел на дно трубы рядом с ней. Рюкзак подsunул себе под шею, прижав его к бетонной стене. Бригадирка, освежённая дождевыми водами, доходила им почти до груди. Налобный фонарь Рослика стал подмигивать.

– Послушай, Синдра, – шепнул он ей на ухо. – Осталось совсем чуть-чуть. Мы выберемся, я тебе обещаю! Мы еще смеяться над всей этой херью будем, поверь мне! А если останемся здесь – сдохнем, как крысы.

Упоминание о крысах было в тему: Синдре представилось, как их окоченевшие тела разрывают полчища серых тварей, и она поползла спиной вверх по стенке. Вода мелкими ручейками потекла с ее штанов и куртки.

– Вот так! Вот так... – обрадованно запричитал

вскочивший вместе с ней Рослик. – Сейчас будет ливнёвка. Я тебе гарантирую.

Ливнёвку они нашли минут через двадцать – тоже забитую буреломом, грязью и камнями. Однако в этот раз завал не был столь основательным.

– Да я его раскопаю, ноу проблем! Тут на полчаса работёнки! И здесь смотри: вода не такая глубокая – всего по колено. Сейчас я эти камни вытащу, и ты на них сможешь сесть, отдышаться.

Девчонка лишь махнула рукой. Загвоздка была в том, что его лопату унесло вместе с рюкзаком. Но руки-то у него остались – и Рослик с остервенением набросился на завал, преградивший им путь в широкий канал ливнёвки.

Вскоре ему удалось вынуть из грязевой смеси несколько приличных бульжников и веток. Он сложил из всего этого небольшую горку.

– Вот тебе трон, Синдром Синдромыч. Садись отдыхай! – шутку его не оценили. Девчонка бухнулась на камни и закрыла глаза.

Диггер продолжил свое дело, стараясь не вспоминать о том, что никто из ходивших по Бригадирке никогда не выбирался отсюда по развилочным ливнёвкам. Все говорили только о Татарском овраге как о выходе, а обычные ливневые канализации игнорились оловыми челами. Почему так, – он не знал. И не хотел сейчас даже думать об этом.

* * *

Увлечённый работой, он почти забыл про свою напарницу. Где-то час он как сумасшедший грыз долбанный завал и пробился-таки к просвету. Он готов был уже петь от счастья, вернуться к Синдре и растормошить ее благой вестью, но решил-таки сунуться в проход сам. Метра четыре он полз, извиваясь как червь, упираясь в бока прохода, который становился всё уже и уже. Затем плечи его застряли, и на секунду ему представилось самое страшное – повисший в ливнёвке труп, который если и найдут, то только по запаху. Он затрепыхался, как муха, угодившая в паутину, и пополз обратно: развернуться здесь нельзя, поэтому он просто дал задний ход.

Рослик вывалился из лаза грязный, будто хулиган из фильма про Шурика: видны были только глаза. Налобный фонарик мигнул в последний раз и потух. Случись это не возле ливнёвки, воцарилась бы кромешная тьма. Но из пробитого прохода чуть брезжил отдаленный свет уходящего дня. А может, это уже были уличные фонари. Диггер, проморгавшись, быстро сориентировался и нащупал рюкзак с запасным фонариком. Он лежал на той же куче камней, что и Синдра.

Посветив в лицо девушки, он увидел, что та спит: ладони сложены под щекой, глаза закрыты, губы чуть улыбаются. Как дома на диване, ей-богу.

– Вот и отличненько! – пробормотал Рослик. – Без нервов оно завсегда лучше... Тэ-эк, всё, шутки в сторону!.. Надо идти за помощью – один я ее отсюда не выволоку.

Он решил, что искать мифический Татарский овраг – дело гиблое. Лучше идти знакомым путем: в одиночку он скоренько доберётся до Катькиного родника, стрельнет у кого угодно сотовый и позвонит... Кому? Да хотя бы тому же Димычу, номер он

его помнил – и вместе они спокойно вызволят Синдру. Та, может, и проснуться еще не успеет. Так что лучше ее не будить, это точно.

Посидев рядом со спящей еще минут пять, он сорвался в дорогу. Сначала ему представлялось, что он чуть ли не побежит по поверхности Бригадирки – но не тут-то было. Он устал как чёрт, болела башка, и ужасно хотелось есть. Тем не менее шел он бодро. И про себя молился всем подземным и речным богам, чтобы успеть и чтобы всё было хоккей.

8.

До выхода из бетонки он добрался только через час. Его лихорадило, одежда превратилась в грязевую корку. Когда Рослик наконец вывалился на асфальтовую дорогу, которая проходила в двухстах метрах от Катькиного родника, он был похож на мертвеца, только что вылезшего из свежей влажной могилы.

Была глубокая ночь, но не это удивило его. Он поразился тому, как тепло на поверхности.

«Так ведь сейчас лето, дурень! Лето!..»

Он побежал в сторону высотки – ближайшего жилого дома. По дороге ему навстречу попался автомобиль, который объехал его и укатил прочь – не смотря на отчаянные крики. Нужен был содовый – срочно, любой ценой.

В высотке было всего два подъезда, оба с домофонами. Он начал набирать номера квартиры подряд. В четырёх вообще не подали признаков жизни, в одной послали матом, еще в трёх – выслушали и ничего не ответили. Рослик, всхлипывая, продолжал трезвонить в домофон.

Тут подъезд осветился фарами: подъехал кто-то из припозднившихся жильцов. Рослик кинулся к открывшейся водительской двери, оттуда выплыла дамочка на шпильках – в годах, но подтянутая, с маникюром и кокетливыми золотистыми очками.

– Вот чёрт рогатый!.. Да ты напугал меня до смерти... Господи, да откуда ты вылез – из канализации, что ли? – при этом женщина улыбалась – видно, что не из робких.

– Пожалуйста!.. Я... Дайте мне позвонить... Человек погибает...

– Ага, щас, разбежался! Много вас тут таких по ночам ползает, – она внимательно смотрела в глаза Рослику. – Я сама позвоню, если надо. Кому? Номер называй.

Проклятый Димыч был недоступен. Хоть помирай... Если уж не везёт, то по всем статьям! Женщина трижды ему звонила – и без толку. Рослик просто не мог сообразить, что делать дальше. У него несколько часов в голове вертелась только одна мысль – про Димыча. Он олдовый, он Бригадирку вдоль и поперёк исходил... А тут – всё! Пшик. Абонент временно недоступен.

Несостоявшийся диггер сел на асфальт и заплакал.

– Та-ак, этого еще не доставало... – дамочка поправила золотистые очки. – Давай-ка иди на лавку садись. Говори толком: что случилось?

Рослик сбивчиво рассказал.

– Какой там на фиг Димыч! – женщина от возмущения поблдедела. – В МЧС сейчас позвоним – и всё. Понял?

– Не надо в МЧС... – запротестовал он, но понял, что деваться уже некуда: карусель завертелась-закрутилась...

Дальше всё произошло на удивление быстро и четко, но Рослик всегда вспоминал об этом, словно о туманном сне, бреде. Ребята из МЧС и слушать не стали про какой-то вход возле Катькиного родника. На уши подняли местных городских коммунальщиков, и те подсказали, из какого канализационного люка можно быстрее всего добраться до того места, про которое рассказывал Рослик. Точных координат он, естественно, не знал, но коммунальщики тут же сообразили, о чём говорит этот грязный, как леший, парнишка.

– Мы в Бригадирку раз в год лазим, – рассказывал седой коммунальщик молодому и серьезному эмчээсовцу; никто из их бригады даже не смотрел в сторону Рослика. – Обычно зимой. Прочищаем засоры. Я сразу понял, где это.

В трубу полезло двое коммунальщиков, двое эмчээсовцев и горе-диггер. Его убеждали не строить из себя героя: «Ты уже и так натворил делов, парень, иди-ка отдохни» – и всё в таком же духе, но он не отступил и полез. Убедил их, сказал, что с ним они быстрее найдут девчонку.

Когда добрались до места, – ошибиться было невозможно, ведь он сам накидал здесь кучу камней, вытащенных из ливнёвки, – Синдры там не оказалось. Обыскали большую часть бетонки – километр туда, километр обратно. Потом, уже на поверхности, Рослик, который отрубался из-за усталости и нервов, догадался позвонить родителям Синдры, и те, отmaterив диггера, сообщили, что она дома. Привёл ее великий Димыч – вот он-то герой и подлинный друг. Оказалось, что олдовый диггер тусовался у выхода в Татарском овраге и, не дождавшись их, сам полез в бетонку.

Дрожащими руками Рослик взял у одного эмчээсовца прикуренную сигаретку и долго сидел на корточках, смотря на свои черные от грязи сапоги.

– Пойдем-ка, парень! Тебе еще всякие бумаги подписывать, объяснительные и другую ерунду. Штрафами, наверно, отделаешься, но будь моя воля – я бы тебя серьезнее наказал, чтобы не совался туда, куда не просят, – сказал ему старший из бригады.

Рассвет он встретил, трясясь в дежурной машине. Там и заснул, и снилась ему не Синдра и не бетонка, а папа. Он говорил, что с удовольствием взял бы сына к себе, но тому еще рановато.

«Да и У. тебя ждет, Рослик. Давно ждет. У тебя же сердце настоящего исследователя!» – он эту папину фразу запомнил дословно. И потом вспоминал много-много раз.

Глава 2. Фланируем над У.

1.

Когда пишешь заявку на грант, возникает два противоположных желания: чтобы всё срослось и чтобы деньги всё-таки не дали. Объясняется это противоречие просто. Если средства не выделяют, то хороший проект накроется медным тазом. И никуда мы не поедем, экспедиции не будет.

А если грант каким-то чудесным образом вы-

играли, то тут еще хуже: бросай всё, езжай к чёрту на кулички, пиши, работай – статьи, конференции, отчётность. Как говорит Татьяна Федоровна в подобных случаях: «Охи-ох! Грехи наши тяжкие, антропологически-социологические».

Но я всё-таки радовалась нашему выигранному грантику «до усёру». Это уже выраженьице моей младшенькой сестрёнки. Катик, я тебя love!

2.

Проект назвали «Малые города России. Фольклор, антропология, социология». По-моему, слишком общо. Но мое дело маленькое – поработать по своей теме, отписать три статьи, выступить на двух конфах, плюс посильное участие в коллективной монографии.

Хотели сначала города выбирать по жребии, но Татьяна Федоровна, я ее еще по Вышке знаю, стала возражать.

– Мы, – говорит, – тут наукой занимаемся, а не в казино играем. Я в У. несколько раз бывала, даже жила, у меня там есть знакомые. Поэтому я еду туда, и со мной – моя группа. Остальные как хотят – пусть хоть спички из кулака вытягивают.

Супонина имела репутацию тётки строгой, с ней связываться никто не хотел. Руководитель проекта Пушкив только плечами пожал: «В У. так в У. Ваше право, Татьяна Фёдоровна».

Еще бы – конечно, ее право. Так вот я и попала в этот У. Град на Волге – со всеми втекающими и вытекающими реками, ручьями и последствиями. С нами поехал Виталик Точин, но у него еще в поезде поднялась температура, и он укатил в Москву. Так что часть, связанная с социологией, у нас провисла.

– Наташенька, мы должны сами определять характер нашей работы. Не обстоятельства и условия делают науку, а наука в конечном счете управляет обстоятельствами и условиями. Просто будем делать свое дело.

В переводе с абстрактного на конкретный это означало, что я, как обычно, буду записывать свою «несказочную прозу» – былички про домовых, колдунов, оборотней и т.п., – плюс, конечно, городские легенды. Ну а она займется ментальными картами, статистикой и политикой. Грант-то отрабатывать надо.

3.

Я почти сразу оценила все преимущества поездки с Супониной: у нее действительно в У. оказалось полно знакомых. Вместо какой-нибудь захламленной гостиницы мы остановились в отличной двухкомнатной квартире в самом центре города.

– Нам просто везёт, Наташенька. Обычно эта квартира не пустует – ее сдают на длительный срок. Но буквально неделю назад прежние жильцы съехали, и новых арендаторов пока не нашли. И дай Бог не найдут еще недельки полторы – как раз то, что нам нужно!

Вечером первого дня я успела сбегать в супермаркет, по дороге отфоткала памятник местному художнику Илье Колотову – кстати, его именем назван бульвар, где мы сейчас жили. Когда за ужином я показала свежие фото своей старшей коллеге, она всплеснула руками:

– Господи, ведь на этом самом бульваре – прямо у подножия сфотографированного вами памятника – я назначала свиданки одному молодому человеку. Как же его звали? Толик? Петя? Как течет время – неумолимо. Неумолимо...

Я кивала и расспрашивала про ее бытие в городе У. Оказалось, что Супонина тут жила недолго – года три-четыре. В начале 1970-х годов здесь в честь столетия известного революционера-подпольщика отгрохали небольшой мемцентрик и доломали всю оставшуюся старинную архитектуру. Два основных предприятия – по оборонке и производству минеральной воды. Плохо развитый транспорт и хорошо развитые старые тополя во дворах. В общем, всё как обычно.

– Ах, Наташенька, какой потрясающий здесь вид на Волгу – на мост! Это прямо-таки сказка. Кстати, сами у...цы этой красоты почти не ценят и не видят: привыкли, как и жители какой-нибудь Анапы – к виду моря.

Я спросила, с чего она начнет завтрашний день. Выяснилось, что Татьяна Федоровна собирается посетить своих старых знакомых и собрать «первичную информацию». Я решила, что пойду с ней – это было разумнее всего. От супонинских знакомых можно узнать адреса и фамилии других информантов – а там дело, как я надеялась, пойдет по обычному сценарию: встречи-записи-расшифровки.

Но я ошиблась.

4.

– Хо-хо-хо!.. Чудны дела твои, Наталья! Как вас там по батюшке-то? – грохотал Иван Иванович, старинный приятель Супониной, бывший комсорг в третьем поколении, ныне почетный житель У., председатель половины советов ветеранов в городе. Он был обладателем пышных седых усов и ярко-красной плечи на квадратном затылке. – Да какие у нас здесь целители и домовые? Мы сами себе целители!.. А? Что ты говоришь, Наташа? Так тебе не только про это интересно? А про что? Мастера, писатели, краеведы, чудаки? Хо-хо-хо. Да таких полно! Да вот хоть бы я! Со мной пообщайся, красавица!

Я с ним пообщалась. В принципе, интересно, но не по теме. Слово за слово, и он наконец-то назвал фамилии нескольких любопытных людей. Особенно меня заинтриговал Ташин – местный краевед, «специалист по аномалиям».

– У него даже блог в интернете есть какой-то – я в этом плохо разбираюсь. Там вот он всю эту чушь и расписывает, – отрекомендовал мне краеведа Соболев. Я поняла, что это как раз то, что надо, – мой человек.

Я уже собралась откланяться, но тут в лице бывшего комсорга что-то изменилось. Он шевельнул своими усами, потёр двумя пальцами толстую переносицу и хмыкнул.

– Вот и всё, Наталья, да? – спросил он меня каким-то новым тоном. – Портрет составлен, ярлыки развешаны. Ставим не запятую, а жирную точку – так ведь? Что ты там потом собираешься написать – статейку научную? Я догадываюсь, как в ней будет представлен Соболев Иван Иванович – если, конечно, вообще попадёт туда. «Поговорила со старым дураком, он мне там кого-то посоветовал – и я от него сбежала». Да?

Под его умным взглядом я покраснела: уж очень точно воспроизвел он мои тайные думы. Что и говорить – в моих мысленных научных «списках» он и правда не значился.

– Давай-ка я тебе еще чайку подолью. А ты послушаешь старика – перед тем как побежать по своим краеведам и колдунам. Может, и я на что сгожусь. Не бойся, сильно не задержу.

Я пожалала плечами и снова взялась за свою кружку. Иван Иванович хмыкнул, увидев, как я нажала кнопку записи на диктофоне.

– Знаешь что, Наташа? А у нас тут ведь даже экскурсии проводят – для детей от 12+. Обещают показать и русалку Катку, и голубое свечение, и бункер Сталина, и тайные казематы НКВД. Интересуют такие щи с капустой? А? Хо-хо-хо. Ладно, не буду твое терпение испытывать, красавица. Говорят, у вас в Москве время-то другое, ритм, понимаешь, дёрганый – тудым-судым. Вам бы всё поскорее надо...

Так вот. Есть у нас такая улица – Розы Люксембург. Ну улицы с таким названием в любом городе СССР, наверно, были. Сейчас, может, где и переименовали – а у нас вот нет. Революционный дух никуда не делся, однако. Раньше там стоял домик под номером 41. В начале 90-х я прочитал в одной местной газетке, будто завёлся в этой избушке – там частный дом – завёлся, как его... полтергейст. Ага! В советские-то годы всё это ведь сдерживали, запрещали, а тут как разрешили – так будто адава пасть раскрылась. И инопланетяне, и Кашпировские, и всякая другая хреновина посыпалась прямо на наши бедные головушки. Но я-то всегда был человеком любопытным...

Знакомец Татьяны Федоровны снова пошевелил седыми усами и втянул воздух – будто к чему-то принимался. Он потом еще пару раз так сделал, и у меня от этой его привычки озноб пошёл по всему телу.

– И вот другой бы кто прочитал статейку да забыл. А я взял и пошел прямо по указанному адресу. Жила там бабушка, Екатерина... Федоровна, по моему... И внук Дима – как сейчас их прям вижу. Пришел я, поговорили о том о сём. Познакомились, в общем. Бабушка уж совсем старенькая была, а внук – какой-то шебушной, на одном месте усидеть не мог.

«Да, вот есть-есть у нас этот самый домовушка, – кивает на мои расспросы бабулька. – То табуретками начнёт двигать, то нитки перепутает. А вот в прошлый раз как в стену-то ухнул! Так ведь, Димуль?».

Дима кивает. Мальчонке лет двенадцать, такой белобрысенький, небольшой совсем по росту-то. И вот я уж уходить собрался – и тут это произошло. Понимаешь, Наташенька, прямо на моих глазах!..

Иван Иванович снова втягивает воздух, и мне кажется, словно кто-то большой и опасный принимает ко мне.

– Вот всё кругом замерло, а от него, от внука-то этого, будто еще один Дима отделяется – как двойник, тень такая цветная. И р-р-раз – через меня прямо в окно! Я вздрогнул, проморгался и слышу: бабах! Окно, к которому я спиной сидел, – вдребезги разлетелось. Вот такая вот штукенция!

Я зачарованно гляжу на него: его рассказ вы-

звал в моем воображении чрезвычайно четкую картинку. Я словно сама побывала в 41-м доме, слышала звук разбитого стекла, краем глаза уловила тень, метнувшуюся в сторону окна. Мне даже почудился запах старого дома, похожий на тот, что всегда встречал меня в избе моей бабушки.

Соболев подпер рукой подбородок; его серые глаза уставились мне прямо в переносицу. Я передрнула плечами от дружной толпы мурашек, побывавших от шеи к пяткам.

– Что я тебе хочу сказать, Наталья... Вот приехали вы с Татьяной Федоровной в У. – изучать, исследовать и всё такое. А ведь городок-то наш – крепкий орешек! Может, он и не захочет никаких «изучений». А?.. Хо-хо-хо! То-то, красавица. Вот посиди и подумай над этим... Ну ладно, давай – с Богом. Мое дело – предупредить. А дальше человек уж сам решает...

Я поблагодарила его и ушла. Больше в этот день я никого не записывала.

5.

– И чего? Не понравился он тебе, что ли? Я его хорошо помню – комсоргом работал, такой говорливый мужчинка! – Татьяна Федоровна была в самом благодушном настроении, попивала кофеёк и с предвкушением поглядывала в сторону ноутбука. Там ее ждала вечерняя и любимая часть экспедиционной работы – обработка свежих записей. У Супониной случился сегодня отличный улов: «Два прекрасных дискурса, Наташенька, один забавнее другого! И всё про местные политические игры – тебе, наверно, это не очень интересно?».

Портила ей настроение лишь моя кислая физиономия.

– Ну неужели Иван Иванович тебе ничего толкового не рассказал и не посоветовал? Быть такого не может! Я завтра же ему позвоню, хрычу старому, и отругаю на чём свет стоит – за то, что он так не уважает научную молодежь! – шутила научрук, но искрометность ее была мимо цели: молодежь пребывала в раздумье и печали.

– Да нет, Татьяна Федоровна, рассказал он отлично – даже вот про полтергейста кое-что вспомнил – интересный случай из 90-х. Просто он какой-то странноватый...

– О-о, он тот еще фрик... Да он же, по моему, даже лечился от заскоков своих, я разве не рассказывала? Ой, да что ты, Наташенька! Какая-то депрессия у него случилась, но это было давным-давно. Лет уж двадцать утекло с тех пор. Самое главное – он тебе назвал нужных людей? Тебе, в конце концов, не щи с ним вместе варить и не научные книжки писать. Поговорила – и убежала. Меньше думаешь – лучше спишь, я так считаю...

Мы поболтали еще минут пятнадцать, а потом научрук упорхнула за ноутбук и забылась там до глубокой ночи. Я почитала немного, полазила по местным группам в соцсетях и уже собралась выключить свой комп, как вдруг вспомнила фамилию здешнего «аномальщика», которую назвал мне Соболев.

Быстро набрала в поисковике: «Ташин, У., аномальное» и сразу же попала на блог в ЖЖ, который так и назывался – «Аномальные места У.». Автор

творил свои заметки в своеобразном исповедальном стиле – дневника мыслей и «сердца горестных замет». Некоторые посты и впрямь достойны внимания любого исследователя странных нарративов о городе У. Я тут приведу одну из первых записей в его блоге – для лучшего понимания дальнейшего, так сказать:).

6.

Блог Ташина

«10 февраля 20... года

Блог – дело хорошее, что и говорить. Я уж тут кем только не заделался – и в краеведы меня записали, и в старшие по дому. Теперь тут, пожалуй, блоггером начнут звать. Да пусть хоть горшком назовут – лишь бы в печь не сажали!

Мне что главное? Чтобы мысль не потерять. Я вот жену в свое время потерял – и до сих пор переживаю. Как говорится, не хотелось бы повториться.

Вот вы спросите: какие цели этого блога? Зачем ты, мол, дядь Паш, всё это затеял? Главная цель одна – собрать как можно больше историй об У. Понимаете, в чем закавыка: когда все эти рассказы по разным источникам разбросаны – это одно. Кто-то что-то сказал, где-то написал или запомнил – это всё пустое. А вот когда всё в одном месте, это – другое, это начинает жечься. Уловили?

Для затравки я здесь представлю небольшую историческую справочку – для интересующихся. Точнее, перечислю главные «реперные точки» города, на которые стоит обратить внимание. А кому на это наплевать, могут идти лесом за каким-то интересом). Шучу.

Не подумайте только, что я вам начну расписывать, в каком году У. основан и кто из знаменитостей тут родился или был проездом. Кому надо такое – открыли «Википедию» – вперёд. Я тут пишу о другом У.

Вот меня, к примеру, всегда интересовала Машиновка или Водовка – кто как эту рошу в городе называет. Раньше, еще до революции, она принадлежала помещикам Смолиным. Потом, конечно, разорили всё имение, белые с красными там дрались, и всё такое. Поговаривают, что осталось там два склепа от бывших помещиков – недалеко от Ранжерейной горки. И вот будто от этих склепов до сих пор сохранился лаз, подземный ход – под самый центр города. Ну есть, конечно, особо одарённые, кому всюду мерещатся деньги и сокровища, так те уверяют, что в этом лазу и спрятан знаменитый Смолинский клад.

А меня вот больше другой вопрос всегда волновал: да на кой ляд помещикам себе склепы с подземными ходами возводить? Готовились к активной загробной жизни, что ли?

Я пока не додумался, как проверить – есть ли и в самом деле этот лаз. Но инженерная мысль, как известно, не дремлет, что-нибудь да выдумаю: вот только бы до лета перекантоваться. А то ведь сами знаете: коронавирусы всякие да нефть в цене падает. Боязно жить прям, ей-богу!

Потом вот еще одно место: дом на улице Розы Люксембург – конкретного его номера я пока называть не буду, ведь горячих голов у нас хватает. Понабегут еще. Да и смотреть там особо сейчас не

на что: сделали по тому адресу коттедж со всякими шиномонтажами или чего там у них. А раньше (я сам помню!) стояла там дивная избёнка – аккуратенькая, приземистая, похожая на свою хозяйку – бабу Катю Фёдоровну. Я ее как облупленную знал, мы с ее сыном вместе на радиоламповом работали. Она обожала стряпать и еще варенье вишневое с кочечкой делала – м-м, ум отъешь!..

В общем – об этом попозже в отдельном посту.

А Майская гора? Здесь тоже отдельный разговор. Вообще-то я всякую инопланетную тематику недолюбливаю, но тут, поверьте, есть о чем написать! Там же еще цыганский посёлок и лес рядом. Я переговорил по этому поводу с кучей народу – кое-чем поделилась и с читателями моего бложика.

Есть и другие любопытные местечки: перекресток на Крымова, там сплошные аварии, это все знают. Татарский овраг – там самоубийц хоронили. Ну кое-что и о столовой педуниверса поговаривают.

Это то, что я навскидку вспомнил – есть, вероятно, и другие точки-локусы.

Итожу: если вам есть что рассказать, добавить или послать меня куда подальше – пишите в комментарии. Обязательно отвечу».

* * *

Не сказать что в Ташинском блоге было полно обсуждений и комментов, но там точно встречались весьма занятные ссылки и упоминания. Я поняла, что отрыла настоящий клад и тут же решила написать автору в личку: «Мол, так и так. Я вот такая вся растакая молодая исследовательница из Москвы. Занимаюсь фольклором, хотела бы с вами поговорить об аномальных местах. В удобное для вас время. С уважением, Наталья Кожеева».

Я рассчитывала получить ответ утром или днем, потому что за окном – уже первый час ночи. Но реакция последовала мгновенно и была короткой, как выстрел: «Нет!». На этом всё – и никакого продолжения.

Вот с такими итогами мне и пришлось отправиться на боковую, и снилась мне какая-то несусветная ерунда.

7.

«Наташка, ты знаешь, что я писать не люблю: это долго и противно. Я люблю общаться живьем, чтобы человека слышать. Но сейчас я так не могу. Я даже голосовое сообщение тебе не могу послать, потому что боюсь... сказать чего-нибудь лишнее...»

Ты помнишь того лысого, ну, маленький, – папка его еще карликом называл? Он из опеки. Так вот: он опять приходил. Прикинь! Я такая слышу – звонок. Пошла открывать, даже в глазок не взглянула. Он – шасть за порог. С ним тётка – патлатая такая, вся на взводе, как пружина.

«Мы к вам с проверочкой. Хотим посмотреть условия, так сказать!»

Я и моргнуть не успела, а они уже в зале. А там папка спит с похмелуги. Сама понимаешь. Ну и не прибрано у нас – как обычно.

«Он вас один растит? А где... м-м-м, Наталья Сергеевна? Ах, в командировке? Ах, в экспедиции? Ах, на месяц? А кто она вам? Сестра старшая? Ага. Она же ваш опекун? Так? Почему же она вас остав-

ляет наедине с родителем, который, извините, лишён родительских прав?!»

Ташенька, мне выть захотелось! Понимаешь! Они всё перенюхали, даже в грязные носки в тазу залезли. И говорил всё время этот карлик, а паглатая только зыркала и записывала в свой коричневый блокнот.

И всё – они потом ушли. А я проревела всю ночь... Наташка, возвращайся, пожалуйста, а? Чую задницей, они меня снова в этот реабилитационный центр запрут.

Я знаю, что для тебя значит эта поездка. Лучше всех знаю! Но, пожалуйста, Ташик, – я еще раз этого не перенесу. Плизззз!!!!».

Я как это Каткино послание в «Вайбере» увидела – мне плохо стало. Физически плохо. Побежала в ванную и залезла там под душ. Сначала горячую, почти огненную пустила, а потом – холоднее, холоднее... Довела до ледяной. И так стояла, пока деликатная Татьяна Федоровна не постучала с той стороны:

– Наташенька, мне бы умыться! Ты не забыла, что у меня встреча на 9:00 назначена?

Я вылезла вся в полотенце, специально нахлобучила его на лицо и так пошла в свою комнату, буркнув из-под своего кокона: «Дбраутра!».

Черти проклятые! Убила бы этих чиновников от опеки! Я-то от них уже спаслась, Богу слава: 21 год исполнился – всё, всем пока, алкоголь можно, эротика разрешена. И жилья от вас, дорогое государство, мне не нужно. Но Катку – Катку-то они ведь до кишок достали, честное слово! Как мать умерла – так всё и наперекосяк пошло-поехало. В пропасть какую-то.

– Наталья, куда сегодня? Наметила планы?

– Да... Я хочу по городу пройтись, есть пара мест, о которых рассказать нужно подробнее...

Федоровна закивала, свой кофий выпила – и убежала. Ключ запасной от квартиры мы с ней сделали – так что образовалась относительная независимость друг от друга.

Я решила этим утром отсидеться дома, потому что в таком эмоциональном состоянии на запись пойти не могла. Отдышавшись немного, набрала номер Катки – не берет трубку. Решила позвонить отцу – тоже бесполезно. Если у него начинался запой, то это недели на две. Вёл он себя в эти дни тихо, никого не тревожил: пил – и всё тут. Ему, блин, можно: пенсия по инвалидности. А Катке только тринадцать, ей опекуны нужны, наличие и присутствие оных в шаговой доступности обязательно.

«Катик, – набираю ей в «Вайбере», – ну потерпи хотя бы недельку. Мне и семи дней хватит, чтобы материала набрать. Ну придумай что-нибудь, ты у меня такая умница!» – отсылаю сообщение, а сама думаю о соседке. Трындец, конечно, а не соседка, но она нам троюродной – седьмой водой на киселе – тёткой приходится. Кто знает, вдруг она поможет как-нибудь отбиться от них?

Набираю ее номер.

– Алё-оо? – уже от этого ее тягучего «алё» скулы сводить начинает.

– Тётъ Лен, здравствуйте, это Наташа. Да, Кожеева. Я сейчас в экспедиции, ну, в командировке в Поволжье. А Катка одна – у них же занятия от-

менили... Ну да, да. Из-за инфекции. Она сейчас дома с отцом. А тут опека... Да, да, отец опять начал пить... Вы не сможете проконтролировать там? Нет-нет, Катка готовить сама умеет. И убирается даже иногда. Да. Там нужно только если из опеки придут – слово замолвить. Я буквально дней через шесть вернусь. Ради Бога, тетъ Лен, буду обязана вам, спасибо, спасибо! – откидываюсь на кровать, а сама думаю: да опеке ведь всё равно, им по барабану какая-то соседка тетя Лена. Придут и заберут... Пусть только попробуют, сволочи!

8.

Облака какие над Волгой! Фиолетовые с тысячью оттенков серого. Я таких еще ни разу не видела. Супонина права: вид на мост здесь просто потрясающий. Холмистый правый берег приподнят и как бы парит над рекой; над всей этой зеленью хочется взлететь на дельтаплане и плавно скользить до самой середины черной реки.

Я выбралась из квартиры в пол-одиннадцатого, открыла гугл-карты города У. и решила пройтись до Малиновки-Водовки – той самой рощи, которую живописал грубиян-Ташин. Судя по инету, идти придется прилично – километра четыре, но зато я посмотрю большую часть города. Если повезет, то расспрошу прохожих про Малиновские склепы, но это уже ближе к самой роще. А пока побуду в своей любимой роли наблюдателя, городского зеваки, – того, кого французы называют *flâneur*.

Огибаю Мемцентр – здешний пуп земли. Идти легко; ветер теплый и слабый, солнышко иногда показывается и подсвечивает дальние окна еще одного большого здания. Гугл подсказывает, что это педуниверситет. Останавливаюсь у памятника матери с сыном – тому самому будущему революционеру-подпольщику, в честь которого и отгрохали мемцентр. В голове – четкие ассоциации с богородицей и младенцем, только строгой богородицы – революционной. Я знаю, что младенец-большевик включен в официальную мифологию города У., но меня-то интересует немного другая сторона дела. Или тела? Городского тела...

Вглядываюсь в лица прохожих. Конечно, хотелось бы написать о большей «открытости» провинциальных лиц по сравнению с обитателями столицы, там я не знаю, – большей улыбочивости, доброте глаз и так далее. Да только это всё враки. Люди все разные и о-очень конкретные. Впрочем, место, где они живут, действительно определяет многое. По крайней мере, город свой отпечаток точно накладывает; одна из моих задач – уловить этот след, но не в лицах, конечно, а в текстах и рассказах. Какой же след оставляет У.?

– Извините! – слышу женский голос и оборачиваюсь. – Вы не подскажете, где здесь удобнее спуститься к Волге – мы хотим дойти до речпорта?

– Вы знаете: я сама не местная... – улыбаюсь я.

– Да? – искренне удивляется моя собеседница. – А нам показалось, что вы здесь родились. Есть в вас что-то здешнее, у...ское.

Я смотрю на удаляющиеся красные туфли и легкое синее платье. «Во мне? Во мне есть у...ское?» – я внутренне хохочу и даю себе зарок рассказать об этом за ужином Татьяне Федоровне.

Двигаю дальше. Улица Советская, потом Лени-

на, Карла Маркса, Либкнехта, Бебеля, Энгельса – Господи, да это же просто революционный разврат какой-то! И так – почти в каждом городе и городке России-матушки. Одни и те же названия. Да, туговато у советских демиургов было с фантазией. Хотя и у проклятых империалистов-монархистов так же: одни Спасские, Соборные, Троицкие, Купеческие, Московские и т.п.)

Стою на перекрестке. Рядом дожидается зеленого светофора парень в выцветших джинсах, с небольшой косичкой и татуировкой головы дракона сзади на шее. Я засматриваюсь на татушку, и он ловит мой взгляд. Лицо серьезное, но доброе (провинциал же!).

– Мне все говорят, что у него девичьи глаза! – вдруг обращается ко мне парень.

– У кого? – теряюсь я.

– Да у дракона.

Загорается зеленый, и он вдруг срывается вперёд – с какой-то сверхъестественной быстротой. Только тут обнаруживаю, что он на роликах. «Жаль, что не спросила его про рошу. Ладно, найду еще кого-нибудь...».

Продолжаю планировать к Малиновке. Прохожу остановку «Речпорт» и понимаю, что я теперь уже почти местная: могу подсказывать дорогу остальным.

Между речпортом и рощей – череда частных домов, коттеджей, гаражей, каких-то недостроев. Неожиданно ловлю себя на том, что меня тянет к заброшкам.

«Так, Наталья, держи себя в руках: мы тебя не за этим сюда привезли!» – звучит в моей голове строгий голос Татьяны Федоровны, и я смеюсь в голос. Случайные прохожие оборачиваются, один из них странно напоминает Соболева. Мне даже кажется, что уличная копия Иван Иваныча совершает это его неприятное движение носом – будто принохивается в мою сторону. Улыбка сразу слетает с губ.

Нет, пожалуй, вечером или ночью я по У. прогуливаться не решусь. Странно здесь всё-таки...

Глава 3. Столовая

1.

Рослик проснулся от того, что маленький кусок серой штукатурки свалился ему на щеку. Он вздрогнул и смахнул рукой упавший мусор. Сон почти вернулся, но наверху, на втором этаже, вдруг что-то взвизгнуло. Потом послышался шорох – будто кто-то совсем рядом волок мешок с цементом.

Он открыл глаза и приподнялся, опершись на правый локоть. «Залез, что ль, кто? Не хватало еще...». Руфер и трейсер скинул с себя грязное ватное одеяло, под которым переспала куча народа – и сторожа, и их гости, – и опустил ноги в сапоги.

– Только ведь нагрел каморочку, и кого-то принесло, блин! – Рослик думал вслух. Эту привычку он приобрел недавно: так было легче жить.

Дверь, задевающая нижним углом половую плитку, зашуршала, и он выбрался в черноту большой столовой, где днем пополняли свои силы студенты педуниверса. Его рука нащупала выключатель в гардеробной, куда попадал всяк входящий-выходящий из сторожки. Но Рослик передумал щелкать

выключателем и пошел по темноте: на втором этаже всё равно горел дежурный свет.

На полпути – площадке между лестничными пролётами – он остановился и прислушался. Холодно и тихо. Нет, звуки, конечно, были: капала вода в далеком умывальнике внизу; едва заметно гудели холодильники – как пчелы, поставленные на зимовку. Большие металлические воздухопроводы, подвешенные к высокому потолку, иногда пропускали уличный шум – грохот колес ночного грузовика или металлическое стрекотание запоздалого трамвая-одновагонки.

Но к этим столовским звукам Рослик уже привык – за полгода работы сторожем. То, что его разбудило, звучало иначе.

«Целенаправленно, – пронеслось в его голове. – Оно визжало так, будто у него была какая-то цель».

У него от этой мысли похолодело внутри и по позвоночнику будто пробежали влажные тараканьи лапки.

– Что за чёрт? Эй, кто там? – крикнул он в подвешенную пустоту второго этажа. Звук собственного голоса его подбодрил, и он быстро преодолел последние ступени. По-прежнему гудели холодильники и капала вода. Рослик прошелься вдоль линии раздачи, где днем стучали подносами студенты. Его взгляд заскользил по окнам: может, забыли где закрыть створку? Нет, всё заперто, цело и тихо.

Он вернулся к лестнице и только успел спуститься до первого этажа, как на втором снова что-то завизжало и запырало. Дыхание его остановилось, он матюгнулся и побежал назад. Рослик еще раз мельком осмотрел большой зал со столами и стульями, который днем заполнялся до отказа филологами-уфологами и математиками-географами – в общем, будущими учителями-всепредметниками. Вроде всё как всегда... Затем метнулся в подсобку.

«Раньше здесь не капало... Капало же всегда внизу в умывальнике», – он на ходу подкрутил кран большой мойки для грязной посуды, но ничего не добился: капля воды продолжала дрожать на кончике гусака и падать на звонкую ржавую поверхность. Посмотрел вверх и вбок, заглянул под огромный металлический стеллаж с кастрюлями и сковородками и помчался дальше. Эхо его шагов разносилось по большему полутемным помещениям.

«Ну если только залезли черти! Вот я им покажу!.. А если их трое или пятеро? Что тогда?». Он не стал долго раздумывать и рванул в коридор, в котором не было ни окон, ни дежурного света. Рука нашарила выключатель, и вверху замигала белая лампа. Она то вспыхивала, то гасла с противным, щёлкающим звуком.

Никого. Только шесть дверей различных подсобок по обе стороны широкого коридора. Он знал, что некоторые из них были всегда открыты, а на двух или трех – амбарные замки. Столовые хранили там всякие припасы на случай всеуниверситетских гулянок и апокалипсиса, плюс – различные инструменты, старые раковины и унитазы. О запертых комнатках с вождением думали поколения сторожей, постоянно пребывающих в поисках жратвы.

Он решил на всякий случай проверить все открытые подсобки, так как точно помнил, что в одной из них есть большое окно – в половину стены. Туда как раз и могли залезть. Больше некуда.

«Проверю – и пойду спать! Пофиг мне: пусть хоть взорвётся тут всё... Это крысы, наверное. Или холодильник какой-нибудь сломался».

Сторож надавил плечом на одну из тяжелых дверей, обшитых серой фанерой. В кладовке было темно, как в кроличьей норе. Он обнаружил, что забыл сотовый в каморке, так что подсветить нечем. Где здесь включается свет, он, убей бог, не помнил. Секунд пять он всматривался и вслушивался в густую темноту; серые пятна чуть подрагивали по невидимым углам комнатки. Этот коридор выпадал из обычной столовской звуковой атмосферы, и поэтому тут стояла такая тишина, что звенело в ушах.

Рослик потянул дверь назад и осторожно прикрыл ее. Ему почему-то стало нехорошо, как-то жутко от всего этого – от беготни, странных звуков и серых пятен по углам.

– Пойду-ка я, – сказал он громко. – Нечего мне тут делать, дурака валять. Хоть разгромите тут всё...

Он сделал несколько шагов, чтобы выйти из коридора, – и снова услышал визг, словно кто-то гнул толстые заржавленные петли или мучил гигантского котёнка. На этот раз источник звука был так близко, что ему показалось, будто петли заскрипели в голове.

Сторож на всякий случай пригнулся и посмотрел вверх.

– Да какого фига?! Потолок, что ли, рушится? – срывающимся голосом шепнул Рослик и понял, что лучше и впрямь вернуться в каморку – от греха подальше.

«Запрусь там, подушку на ухо – и до утра как-нибудь дотяну. Утро вечера по-любасу лучше. А с потолком дурацким пусть вон заведующая разбирается».

Он решил выйти с другого конца коридора: оттуда и ближе спускаться до сторожки, и можно одним глазом глянуть на остальные двери. Диггер, какмышь, прошмыгнул мимо закрытых и чуть приоткрытых дверей, косясь на сочащуюся из щелей темноту. Завернул за угол, чтобы спуститься на первый этаж и... остановился, выпучив глаза. Лестницы не было. Не было и всё тут!.. Он снова стоял в коридоре с подмигивающей лампочкой, подвешенной на специальный металлический столбик, который крепился высоко вверх.

– Как это? – пробормотал наконец Рослик. – Тут так нельзя...

Он отлично помнил, что из коридора с шестью дверьми нельзя сразу попасть сюда же. Если бы кому-то вздумалось проделать такое круговое движение, ему пришлось бы спуститься на первый этаж, пройти мимо гардеробной-сторожки, снова подняться по лестнице и через большой зал – в помывочную, где и была дверь в коридор.

– Наверное, я как-то не так пошёл, – оправдывался он. – Надо вернуться обратно. И свет заодно выключить.

Он протопал до выключателя и хотел было уже щелкнуть им, но оставил всё как есть. «Утром вы-

ключу. Пусть горит – всё безопаснее...» – и он, открыв вход в помывочную, перешагнул порог. И замер. Перед ним снова был всё тот же коридор – уходящий куда-то в темноту, бесконечный, с шестью дверьми.

– Д... да что же это вы... – засипел Рослик; язык вдруг стал большим и едва помещался во рту. – Играть со мной вздумали? Сволочи такие-растакие...

Он от души выматерился, надеясь, что это поможет вернуть всё на места – так, чтобы коридор стал обычным, а не круговым.

«Вчера вроде бы не пили... Из гостей был только Колян... Но он потом ушёл... – часто моргая, он едва поспеивал за собственными мыслями. – Сон это. Точняк. Сон! Щас вот как...» – он не успел додумать мысль и с размаху ударил кулаком в стену. Костяшки пальцев тут же окаменели. Сторож охнул и, закусив губу, принялся баюкать правую руку.

2.

– Тоже удостоился, так сказать? С почином тебя! – Колян громыхнул стаканом о железную кружку Рослика и, не дожидаясь, сделал три больших глотка. Бывший диггер тоже пригубил. Спиртовая настойка обожгла горло и сгладила дрожь внутри; стало чуть легче.

– И с тобой тоже так было? Коридор...

– Коридор, – кивнул собутыльник, – но не так. Я топот слышал.

– Топот?

– Да. Бегали там. И кричали. И на помощь звали. Много-много раз. Я даже привык к этому и перестал выходить, а поначалу тоже как ты реагировал. Вон загляни под кровать... Видишь монтировочку? Вот с ней полночи мотался по этому коридору, врагов искал. А теперь – всё, баста. Учёный стал, – Колян вытащил пробку из фляги и обновил их кубки.

– И как же... – Рослик не знал, что сказать.

– Как? Очень просто. Я тут третий год работаю, пообтёрся, приспособился. А остальные – у кого с нервишками не в порядке – сматываются. И месяца не держатся. Вот до тебя здесь Антоха работал, у него прозвище Гробовщик. Тусню приводил, травку курили, орали, водку лакали так, что наутро весь первый этаж заблёванный был. Я ему: «Антох, ты пойми: здесь так нельзя. Это место музыку любит, покой, разговоры душевные». А он мычит в ответ, как бык. Ну и домыхался – инсульт шарахнул. Да, ему всего-то тридцатник, а утром повара нашли всего обоссанного и парализованного на правую сторону. А насчет музыки... – Колян прикурил сигарету и затянулся; Рослик тоже угостился дымком. – Насчет музыки – тут вообще отдельная песня. Вот через нее я с ними и подружился...

– С кем?

– Ну с ними – кто тут бегаёт, бормочет и визжит. Не знаю, как их назвать. С силой этой. Я ведь тоже не железный, чтоб херь эту паранормальную терпеть каждое дежурство. Поработал месяца два – еще когда только начинал тут – и думаю: «На фиг надо! Здоровье дороже денег – уволюсь к такой-то матери...»

А тут ко мне Санёк приперся в одно из дежурств, – ты его не знаешь. Он тут лабал вместе с

местными в рок-группе – и басист, и барабанщик. А по натуре – грёбаный шаман. Повёрнут тут на всём этом – книжки читал, молитвы знал. Он щас в Москву подался, я с ним уж все связи растерял. Так вот: он как услышал посреди ночи всё это – вскочил, глаза горят! Ну я его заранее не предупреждал, я вообще не люблю распространяться про такое. Рассказал ему, сходили мы в тёмный коридор, где шесть дверей-то этих. Выпили – всё как полагается, чтобы обсудить, так сказать, обстановочку. И под утро он мне говорит: «Я с ними подружусь. Вот увидишь, говорит. Жди меня на следующее дежурство».

Я головой покачал, но мешать не стал. Думаю: «Обломается – так его проблемы. Не мои». И этот чел, прикинь, припёр через два дня барабанную установку. Ну попросил там ребятшек – они вечером на тачке подвезли, когда уж поварики все разошлись. Перетащили мы всё это дело на второй этаж, собрал он там эти все тарелки, гуделки-моталки-барабаны и – вниз ко мне в сторожку.

«Теперь, говорит, подождем». Ну нет вопросов. В карты с ним сыграли, покурили, я телек включил, кемарить уж стал. А Санек – не спит. Лупится вон на стену и сидит с открытыми глазами, слушает. И вдруг – мать его за ногу – бам-барабам, бам-бам! Чё такое?! Никогда такого здесь не слышал.

«Ага, – говорит. – Нашли, значит. Они щас поиграют немного, а потом мы к ним подыдемся!» Я молчу. А чё тут скажешь? Еще десять минут тишины. Потом опять – бам-барабам-бам-бам. И в тарелки – быц, быц! Быц-быц!

Я, чесна слово, креститься начал. А Санёк – хоть бы хны. Ну, кароч, подождали мы, а потом – туда поднялись.

«Ты, говорит, просто седи тут и слушай. Смотри. А я для тебя индивидуальный концерт слабаю». И слабол. Неслабо так слабол. Такой звучит в этом зале – закачаешься. Столовую-то в советские времена возводили, она размером с Байконур, сам знаешь. И оказалось, – это уж мне Санек потом не раз говорил, – что там, на втором этаже-то, акустика какая-то необычная. Как в филармонии, блин.

И вот, значит, оттянулся он на барабанах своих – от души отыграл, мне прям понравилось. И потом мы спать пошли. Так вот с тех пор – как отрезало. В дежурства – и в мои, и у остальных – тишина-покой, мило-дорого посмотреть. Правда, через месяцок опять начали пошаливать. Ну я тогда Саньку звонил – и он прикатывал, концерт давал.

Так вот и жили-поживали. А потом ему это всё надоело, и он, Санёк-то, мне и говорит: «Давай-ка ты, братан, сам учишь духов увещевать!» И притаранил мне вон... – Колян приоткрыл шкаф и кивнул на коробку.

– Чё там? – спросил Рослик, у которого голова была трезвее трезвого, несмотря на то что его собеседник не забывал обновляться во время своего рассказа.

– Ну так достань, посмотри.

В коробке оказался небольшой барабан, а сбоку в чехольчике – палочки к нему.

– Вот он меня немного поднатаскал на это дело. И всё – я втянулся. Только у меня музыка-то хреновая, видать, выходит. Срабатывает дня на три, не больше. Да и вот Грбовщик всю карму подпортил:

после его тусни они снова стали шалить – мой барабанчик мало помогает.

– Знаешь... Я тут подумал, – Рослик почесал шею в том месте, где дракон. – У меня гармошка есть. Купил недавно, а то ведь старую посеял. Может, им тоже... поиграть.

– Во-о! – Колян протянул руку коллеге и крепко пожал. – Одобрямс. Мы с тобой тут еще концерт заткнем, я ж тебе говорю: не звук, а филармония!

3.

Инфа про педовскую столовую, которую Рослик нарыл в инете, была крайне скудна: построили это здание в 1970-х вместе с университетом. В общем-то, всё – никаких подробностей. Зацепку дал какой-то блог в ЖЖ про аномальщину в У., о котором бывший диггер и не подозревал до сего момента. Вёл его некий юзер «дядя Паша Ташин, дед-краевед», как он сам себя именовал:

«По поводу педунивера (я привык называть его институтом) ходит еще одна байка. Услышал я ее от тамошней вахтерши еще в 1990-х. Если точнее, она мне рассказывала не о самом университете, а о двухэтажной столовой, которая к нему относится. Якобы раньше, еще когда города здесь и в помине не было, тут располагались древние могильники – то ли мордвы, то ли булгаров. Но этих булгаров сейчас упоминают и в лад, и невпопад, поэтому меня это не особо заинтересовало. Любопытно другое: будто бы студенты из общаги много раз видели по ночам в окнах столовой некое свечение и тени. Дело в том, что здание общаги как бы окольцовывает столовую, так что у молодёжи есть возможность заметить-понаблюдать.

Я, конечно, заинтересовался. Стал расспрашивать самих студентов и от одной филологини – второкурсницы Машеньки – услышал такую историю:

«Я, говорит, немного со сторожами знаком. Они клянутся, что у них по ночам там чёрт-те что творится – и гремит, и визжит. Парни, говорит, даже уж привыкли к этому».

Нужно сказать, что о странностях в столовой слышали немногие у...цы. Я попытался выйти на тех самых столовских сторожей, упоминавшихся выше, но те наотрез отказались общаться со мной.

Могу добавить к этой истории еще нюансик: один мой давний знакомый, он в свое время работал в городском управлении ЖКХ, уверяет, что под самым подвалом столовой проложена большая бетонная труба. По ней течет речка Бригадирка, о которой из современных горожан уже мало кто помнит. А ведь когда-то это река очень много значила для У.».

Когда Рослик дочитал до упоминания про бетонку, он вздрогнул и почувствовал сухость во рту. Ему нестерпимо захотелось позвонить Синдре, но он сдержал себя: всё равно ведь не ответит. Почти год прошел, как они туда лазили, но до сих пор он чувствовал себя виноватым.

Синдром пару раз ему написала в ВК – просто чтобы сказать, что ей звонить не надо. Лучше вообще не общаться. И всё. Ни ответа ни привета. И чем вот он перед ней провинился? Кто же виноват, что ливанул дождь? Они хотели просто пробежаться по Бригадирке – легкая двухчасовая

экскурсия. Проще пареной репы. Да и разве кто-то сильно пострадал? Поцарапала она свою драгоценную коленку, но он-то тоже разбил голову и потерял старую гармошку, – а новая уже не дает таких чумовых блюзовых тонов.

Ну ее, эту Синдру! Пусть парится со своим Димычем – героем и спасителем. Чип и Дейл, блин...

«Но причем тут Бригадирка? – Рослик снова вернулся к столовой. – Почему это так зацепило меня? Из-за Синдры?..»

По совету Коляна он в одно из последних дежурств опробовал-таки свою гармонику на столовской «силе» – как именовал местные странности сторож-аксакал. Ничего особого не произошло. Диггер поблюзил чуток, лежа на столе, за которым днем обедали преподаватели и студенты.

Второй этаж и впрямь давал наикрутейшую акустику – Рослик даже увлёкся игрой, словно находился не на работе, а пребывал на зеленоватой бетонной свае своей любимой заброшки.

Затем он спустился в каморку и заснул сном праведника: никто в эту ночь не визжал, не топал и не шумел. Значит, пришлась им по душе губная музыка в стиле старика Сонни Боя. И на том спасибо. Благодарим тя, Господи, за радости-крохотульки.

4.

Кто знает, может, и Рослик бы постепенно втянулся в эту столовскую размеренность – как и Колян. Дело-то ведь нехитрое: залезай перед сном на второй этаж, играй в свое удовольствие на гармонике, а потом – спи-отдыхай и денюжку за работу получай. И живи себе, не грузи голову разными объяснялками.

Но однажды – ближе к июлю – столовку арендовали под свадьбу. Тут ничего криминального не было: университетское начальство позволяло, ведь суббота, студентов нет, учебный процесс не нарушается. Дежурить выпало Рослику. Он лежал на супружинистой кровати в сторожке, читал детективный романчик без начала и конца (страницы, вероятно, выдернули его же коллеги на понятные надобности) и с некоторой опаской косился на потолок своей каморки.

На втором этаже гремело «Ах, э-эта, свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала...» – и свадьба действительно плясала, от чего сверху сыпалась побелка.

Вдруг дверь распахнулась и показалась голова Александры Семеновны – самого главного здешнего начальника, заведующей. Полные щеки ее покраснелись, глаза блестели: видимо, гуляющие не оставили ее без коньячка. Вообще, редкие свадьбы были для местных в радость, хоть и приходилось тратить законный выходной: поварихам платили премиальные, после гулянки всегда оставалось много еды и алкоголя, кое-что перепадало и сторожам.

– Рослик! – закричала Семеновна; она всегда кричала, даже когда шептала. – Выручай, дорогой! У нас труба в подвале потекла, Дмитрич один не справится.

Дмитрич – сантехник, водитель, строитель, «и жнец, и швец, и на дуде игрец», как он сам себя рекомендовал. Работал он в столовой на полстав-

ки, много пил, много говорил, но всем нравился.

Рослик в подвале никогда еще не был. Ему почему-то даже не приходила в голову мысль о том, что в этом здании есть подвал. На звание самого «подземного» места здесь и без того находились претенденты – чего стоил темный коридор. Диггер пошел туда без особого напряжения и страха: всё-таки был еще день, кругом люди, с ним Дмитрич. Рослик научился в своем сознании четко разделять два состояния у столовой – ночное и дневное. Первое со вторым почти не пересекались, и была в этом высшая логика и закономерность.

– Тэ-эк. Держи инструмент, щас ключ найдем, – Дмитрич привел его к низенькой двери, расположенной сбоку – снаружи здания. – Открываем. Заходим. Иди за мной и бошку береги, тут такие загогулины встречаются – можно и глаз выткнуть.

Свет здесь включался, но большинство ламп перегорело, так что главным маяком служил фонарь в руках сантехника. Когда наружная дверь закрылась, Рослик ощутил знакомое сладостное чувство тревоги и предчувствия близких открытий. «Совсем как в Бригадирке... Эх, Синдром Синдромыч, почему ж ты такая обидчивая?..»

– Ага. Держи фонарь, свети мне. Щас найдем порыв, хомуток сляпаем – и пойдешь снова свадьбу слушать... Тэ-эк. Ага. Вот оно. Ах ты, чёрт, да тут не капает, а льет!

Из толстой трубы действительно тёк небольшой ручеек. Но грязный бетон под ногами оставался относительно сухим – видно, вода сразу уходила куда-то вниз.

– Да-а. Дело, как говорится, труба. Тут хомутом не обойтись, тут весь пролёт менять надо, – бурчал Дмитрич. – Говорил Семёновне сто раз: проси денег, менять здесь всё нужно. А она отнекивается. Ладно, Рослик, голь на выдумки хитра, ща сообразим чё-нить.

Сантехник начал колдовать над трубой, пытаясь охомутать порыв. Сторож старался светить так, чтобы Дмитричу всё было видно.

– Ты вот знаешь, куда эта труба с нашей водой-то утекает? Со всем этим говном, объедками и прочими радостями? – спросил сантехник, стягивая хомут толстенными болтами. Бывший диггер равнодушно пожал плечами.

– Слыхал про Бригадирку? – спросил Дмитрич, и его напарник вздрогнул. – Речка такая была. Она и щас есть, да ее всю вон бедную в бетон загнали и под землю спрятали. Это еще до войны дело случилось – основательно делали тогда, да. Речушка-то по центру города текла и вымывала каждый год овраг. И вот придумали с ней вот так поступить, чтобы центр укрепить. И теперь понастроили всяких торговых центров, кинотеатров, домов – и некоторые даже не знают, что под ногами у них – Бригадирка бежит.

Сантехник закончил работу, ручей, текущий по черной трубе, истончился, а потом и вовсе пропал.

– Так из столовой все отходы сюда попадают? А почему не в канализацию? В Бригадирку же ливнёвки только запустили вроде как?

– Ха-ха, весёлый ты парень, я погляжу! Но наивный, блин. В эту Бригадирку давно сливают всё

что ни попадя. Кто во что горазд. Говорят, вон с радиолампового туда же лили много лет. Но шас завод разорился – так что реке, наверно, полегше стало... Ну вот. Сделали мы свое дело. Молодцы мы! Пойдем-ка, Рослик, к Семеновне – скажем, что боевое задание выполнено. Може, и поднесёт нам по рюманделю, а?

5.

Заведующая поднесла, и они с Дмитричем зашли в сторожке. С сантехником легко говорилось и уютно сиделось: был он весь какой-то круглый, смешливый и нескудный.

После второй рюмки свадебного коньяка Дмитрич подмигнул сторожу и спросил:

– Ну чё, Рослик? Как тебе тут работается, а?

– Да ничё, дядь Саш, терпимо.

– Вестимо, что терпимо. Иначе бы не задержался тут! – Дмитрич снова подмигнул и чуть вытянул нос в сторону собеседника, будто принюхиваясь. – Ты уж тут сколько? Месяца четыре, наверно? Это ты молодец. А то ведь у нас тут, кроме Кольки, мало кто оставался дольше двух-трех месяцев.

Сторож кивнул и украдкой посмотрел в хитрые глаза Дмитрича: ведь знает обо всём, чёрт старый! Дядя Саша снова вынул пробку и подлил золотисто-коричневого в рюмки.

– Ну, ладно, парень, не таись от Дмитрича. Я тут пасусь уж лет десять – как вот Семеновна заведующей стала. Видел чё?

Рослик кивнул.

– Колян мне кое-что говорил, но из него ведь каждое слово клещами надо вытягивать... Топот, плач детский?

– Да, это тоже было, – диггер поежился. – Но вот с коридором случай вышел...

И Рослик живописал. Сантехник слушал его с видимым удовольствием – будто кот про сметану. Иногда даже подсмеивался.

– Вот-вот. И я сто раз про то говорил: круглит тут и водит, ой во-одит...

– Так вы тоже? – диггер наострил уши. – И у вас с коридором приключилось?

– Не. Не с коридором, а вот с подвалом. Никто тебе не рассказывал? Колян вот знает про это, по моему. Дело было года три назад. Я пошел отопление проверять. Ну посмотрел узел, счётчик, повернул назад – а вот тебе хрена лысого! Не могу выйти и всё тут. Да я в этом подвале с закрытыми глазами все входы и выходы найду, каждую щелину-поперечину знаю, а тут – поди ж ты. Не могу дверь отыскать! Матерюсь, фонариком свечу. И сотовый ведь как назло в машине оставил. Ходил-ходил, ходил-ходил, устал, сел на стульчик – у меня там есть возле узла – и говорю: «Бригадирка, кончай свои фокусы! Отпусти старого – не до шуток мне...»

Пошел снова искать – и никак. Я уж чувствую, что мне кровь в голову ударять стала, давление подскочило. Думаю: «Ну всё, дядь Саш, скопытишься ты тут, и найдут тебя к вечеру ближе... Не думал не гадал, что в подвале придется душу Богу отдавать».

И тут мне на ум пришла Колькина штука – ну как он барабанит по ночам, он же тебе рассказывал? Ну вот и я, дурак старый, сел на корточки и давай пальцами дробь по трубе выкаблучивать. Ну как мог

– я ведь еще тот музыкант, четыре медведя по ушам топтались, и те разбежались. Подеребенькал чего-то там, даже, блин, петь пришлось: а куда деваться, жить захочешь и не так раскорячишься.

И чё ты думаешь, Рослик? Только я встал на ноги, десять шагов прошел – мать моя женщина! Да вот же дверь – да еще и неплотно закрытая. В темноте за версту видать. Вот так-то. Непростое это местечко, Рослик, ох непростое...

Они хлопнули по последней, и Рослик слово за слово – сам от себя не ожидал – взял да и выложил сантехнику всю историю с Синдрой и Бригадиркой. А ведь не любил он про это говорить – не было и желания с кем-то делиться такими воспоминаниями.

– Да-а. Знато она вас шарахнула! – засмеялся дядя Саша. – Это еще по-божески, пожалела, так сказать. А я вот слышал, что кое-кого она и топила до смерти – не выходили оттуда...

Да и ведь, Рослик, Бригадирка-то эта – тоже не пальцем деланная речушка. Мне вон люди говорили... ну есть у нас тут один мужичок – очень головастый, краеведом себя называет... Так вот: когда У. был и не городом, а так – крепостишкой, это лет триста назад, а может, и все пятьсот, речка эта вроде как охранницы была. Ну ров охранный вокруг крепости заполняла. И когда бывало нападал кто – а там кто мог нападать? Разбойники, может, местные, мордва ли – я не знаю. И вот в речку, короче, убитых сбрасывали. Она аж красная становилась от этого. Поэтому ее и называли Красная Бригадирка, ага...

Тут к ним в каморку заглянула повариха Галя и сказала, что Семеновна призывает сантехника к себе. И Дмитрич испарился.

Рослик сидел почти час за столом, обдумывая сказанное сантехником. Что-то шевелилось в его памяти, вспоминались какие-то голоса и разговоры, и среди прочих отчетливее всех был слышен голос отца.

Глава 4. Свидание в роще

1.

«Наташик, карлик опять заявился. На этот раз в паре с какой-то другой ведьмой. Я сразу же тете Лене звякнула – и она прибежала. Отца дома не было – его уже сутки где-то носит, но я, конечно, наврала им, что он только что ушел – трезвый, как мамонт.

У нас всё чисто, продуктов полный холодильник. Я вообще-то уроки сидела делала, когда они приперлись (это правда, правда!!).

Опять начали всё вынюхивать, осматривать, вопросы задавать. Но тётя Лена – вообще красава – отбоярилась от них в два счета. Всё, мол, окей, девочка под присмотром, сестра вернётся не сегодня-завтра, семья вполне благополучная – я как соседка могу подтвердить.

Наплела им столько, что они, наверно, всю неделю лапшу с ушей снимать будут...

Наташик, а ты когда на самом деле вернёшься, а? Я соскучилась! Еще из-за этого карантина не сходишь никуда особо-то, я целый день вон фильмы по смартфону смотрю. Надоело. Приезжай, плииз!!»

Катик меня сегодня порадовала, настроение прям повысилось. Я сейчас обрабатываю то, что удалось накопать в Малиновке. До склепов так и не

дошла – их, судя по всему, с проводниками искать надо. Зато я знатно посидела на скамейке с тремя женщинами, которые выгуливали своих спиногрызов. Это как раз в роще дело было. Малиновка, по сути, большой лесопарк, удивительно тихое и красивое место.

– Я здесь всю жизнь живу, вон мой дом видать, – показывает рукой полная пожилая женщина. Говоря, она ни на секунду не упускает из виду мальчишку лет четырех, бегающего поблизости, – наверное, внука. – И никогда ни про какие склепы не слышала. Всю жизнь тут роща – роща она и есть. Деревья да дорожки и воздуха немножко. И никаких склепов.

– Ну как же! – возражает ее более молодая соседка по скамейке. – Это в советское время рощу здесь сделали, а до этого-то тут имение помещиков было – фамилию не скажу. И склепы есть, да только они там – в овраге. Мне сын старший рассказывал, он много раз ходил к ним.

– Ой, не знаю! – продолжает гнуть свое пожилая. – Всю жизнь тут жила, ничего не слыхала. Роща она и есть роща.

– Так, может, вам просто неинтересно было, – вклинивается в разговор третья женщина средних лет. Голос у нее глубокий, низкий, похожий на мужской. Она напоминает чопорную англичанку не из нашего времени, и я не ожидала, что смогу разговаривать и третью «сиделицу». Та покачивает коляску, в которой спит совсем маленький ребёнок.

В ответ на замечание «англичанки» полная только хмыкает. Возникает пауза, я хочу задать следующий вопрос, но воздух снова наполняется низким голосом чопорной.

– У нас есть... ну назовём это семейным преданием, потому что документов никаких не сохранилось. Так вот старшие родственники по маминой линии рассказывали, что мы родня Джейн Томкинс – компаньонки помещицы Смолиной. И говорили, что склепы сделали заранее – для самой барыни и ее компаньонки. Но тут случилась революция, и всё изменилось: у Смолиных всё отняли, они эмигрировали, а их бывшее поместье и огромный сад превратили в парк.

– А сейчас что в этих склепах? – спрашиваю я.

– Да кто же знает! – встревает та, что помоложе. – Туда только мальчишки и лазят. Ничего уж, видимо, не осталось.

– А мне сказали, что оттуда ведут подземные ходы – вроде как лаз до самого центра города?

– Кто это вам сказал? – вдруг строго спрашивает пожилая. – Это чистой воды враки. Может, вы еще и клады туда пойдете искать? Говорят вам: нет там ничего, и ходить туда не стоит. Я вас просто предупреждаю!

Я, смущенная, соображаю, что бы такое ответить на этот выпад, но ситуация разрешается сама собой.

– Витя! Витенька! Давай домой! – полная дама встает и, не прощаясь, уходит вместе с внуком.

– Не обращайтесь на нее внимания! – говорит мне через минуту после ее ухода молодая. – Я ее знаю, она в соседнем дворе у нас живет – она вообще не любит приезжих да чужих.

Я киваю.

– Если кто-то вам и сможет рассказать об этих

склепах, так это мой брат. Я могу договориться с ним насчет этого, – это уже добавляет «англичанка».

Я рассыпаюсь в благодарностях, и мы с ней обмениваемся номерами сотовых.

Потом я отправляюсь бродить одна по дорожкам рощи. Дышу воздухом настоящего леса и слушаю переговоры птиц. Мне вроде бы должно быть хорошо и спокойно, но из головы почему-то не уходит сказанное пожилой женщиной. Я вспомнила, что нечто подобное мне говорил и Соболев. У них тут что – местная особенность такая? Предупреждать?

2.

Вечером мы с Татьяной Федоровной закатали «грандиозный пир». Это так обозвала нашу сиделку сама Супонина. Пожарили курицу, купили красного полусладкого – и «закутили».

– Как у тебя, Наташенька, – удачно сегодня? А я тебе такого информанта отыскала – просто клад, а не человек. Это Ольга Турусова – директор местного краеведческого музея. И чего я сразу тебя к ней не отправила? Она же сама все рассказы и легенды про У. собирала. У нее даже есть несколько публикаций в местной прессе на этот счет. Одна так и называется – «Легенды Малиновской рощи». Ну? Разве не прекрасно?

Я действительно обрадовалась, потому что мне надо было уже брать быка за рога. В начале следующей недели уезжать, а я еще только раскачиваюсь. Нужны записи и встречи, записи и встречи. Я стрельнула у Супониной телефон директора музея и спросила Татьяну Федоровну про сегодняшний день.

– Ой, Наташенька, я сегодня что-то углубилась в особенности местной политической игры. Тут такое любопытное противостояние между муниципалами и областной властью – на нем-то и строится здешняя политика-экономика.

Я изобразила интерес, но дальше вслушивалась мало. Лишь бы не сорвалась завтрашняя встреча с братом этой «англичанки». И мне нужно найти проводника до Малиновских склепов – хотя бы для того, чтобы сделать фотки. Фотоотчет о поездке ведь закрепили за мной. Тут подкачать нельзя.

Перед сном заглянула в почту, а там письмо: пришло послание в личку с ЖЖ:

«Это Ташин. Случайно не вы с моей сестрой сегодня в роще беседовали? Это можете быть только вы – кто же еще? Я только удивляюсь, как вы так быстро смогли найти ее. Впрочем, это неважно. Я готов с вами побеседовать, потому что иначе, видимо, нельзя. Завтра в 12:00 в Малиновке – на той же самой скамейке. Устроит вас?».

Я ответила, что да, устроит. И, конечно, рассыпалась в благодарностях. Дело продвигается, господа присяжные!

3.

Темнота. Вдалеке, на самой границе восприятия, чуть брезжит свет. Я, спотыкаясь, бреду туда. Только тут замечаю, что вокруг – вовсе не тишина. Капает вода, где-то что-то тонко подсвистывает, будто сверчок. Едва улавливается низкий гул, давящий на все чувства. Пахнет землей и влажным

бетоном. И вдруг – глубокий вздох кого-то огромного; совсем рядом притаился кто-то чудовищный, я чувствую на себе его хищный взгляд.

– Не бойся, – шепчет мне мужской голос и чья-то сильная рука берёт мою ладонь в свою. – Мы сможем от него уйти, но придётся бежать. Готова?

Бежим в полной темноте, ноги тонут в вонючей жиже, месят кашу из камней и веток, а мы продолжаем нестись вперёд – как сумасшедшие. Но оно догоняет нас, его дыхание и тяжелые вздохи всё ближе и ближе. И тут нас сбивают с ног.

Я лежу на спине, закрыв глаза. К моему лицу медленно приближается чья-то большая голова; она обнюхивает меня – и это длится вечность. Затем холодок, резкое движение воздуха и – отчаянный крик боли. Я понимаю, что чудовище добралось до моего спутника. Глухие удары и потом – выворачивающие наизнанку чавкающие звуки. Совсем рядом пожирают того, кто хотел спасти меня.

* * *

Проснулась я с криком. Привсталла, судорожно хватая воздухом ротом, и долго пялилась в темное окно, чуть подсвеченное уличными фонарями. На сотовом – третий час ночи. Я сходила в ванную и умылась. Потом пошла на кухню и налила себе холодного молока. И, наверное, с полчаса стояла возле кухонного окна, смотря на пустой Колотовский бульвар.

«Может, и правда лучше уехать? Меня ждет Кати, а тут... Тут что-то не так. Зря мы сюда приехали с Супониной...» – я поймала себя на этой мысли и удивилась. Что это? Неужели разговор на скамейке так на меня повлиял? Чувствую всё это. Надо просто сделать свою работу, причем работу, от которой я ловлю кайф, и потом уехать – только и всего.

Я подумала о сестре, представила, как она сейчас спит в своей любимой позе – завернувшись в плед, словно в кокон, – и мне стало нестерпимо жалко ее. Как же фигово, когда нет мамы. Ну почему всё так? Зачем нужно было забирать ее у нас?

Прошло всего пять лет после ее смерти, а я уже с трудом могу четко вспомнить ее лицо. Когда смотрю на фото, где они с отцом улыбаются, – это во время папиного дня рождения, мне тогда лет пятнадцать было, – я помню ее. Но стоит убрать фотку – и лицо расплывается. Будто приходит туман и хочет забрать ее даже из моих воспоминаний.

Всё случилось так глупо и быстро – никчемная простуда, кашель, снова кашель, вроде бы бронхит, а вроде бы и нет. Когда опомнились – выяснилось, что двусторонняя пневмония со стертыми симптомами, без высокой температуры. Но состояние ухудшалось, положили в инфекционку и вдруг – всё. Мамы у вас больше нет! Да вы свихнулись совсем? Как нет? Как?!

Слёзы замечаю уже на подбородке, несколько холодных капель просочились за воротник футболки, в которой сплю. Если и есть в этом смысл, то я точно его никогда не поймаю. Это как идти по темному коридору, не зная верного направления.

Вспоминаю сон, и внутри всё сжимается. Нет ничего омерзительнее этого ощущения – когда чувствуешь, что кто-то обнюхивает тебя, пытается втянуть тебя целиком, распознать, кто ты, а затем

решить – оставить в покое или сожрать...

Уснула только под самое утро. В девять меня разбудили стук в дверь и призыв Супониной ответить кофию.

4.

– Зачем вам это всё? – Ташин смотрит так, будто цель нашей встречи в том и состоит, чтобы я ответила на этот вопрос. Может, он и в самом деле так думает.

Я заранее никак не представляла себе его внешность, но уж точно не ожидала, что «дед-краевед» – это мужик, которому нельзя дать и пятидесяти. Худое узкое лицо, глубоко посаженные глаза, борода из десяти коричневых волосинок и очки с толстыми стеклами – вот кого я увидела на скамейке в роще. На свою чопорную сестру-«англичанку» он похож, как топор на кашу – ни единой общей черты.

– Павел Сергеевич, – представляется он, я сажусь рядом, и он тут же задает свой главный вопрос.

– Ну, я исследователь, – отвечаю. – У нас проект по малым городам, собираемся издать монографию, в которой будет не только про У., но и...

– Ерунда, – прерывает меня Ташин и так машет рукой, словно хочет закрыть ею мой рот. – Если вы только за этим сюда приехали, то лучше сегодня же купить обратный билет. И главное – почему вас интересует именно такая тема? С вами кто-то еще ведь прикатил? Они тоже интересуются... м-м... необычным?

Я сказала пару слов про Татьяну Федоровну.

– Вот и вы, вот и вы, – он говорит поспешно, будто боясь, что я его перебью, – занимались бы тем же – политикой, статистикой и тому подобным. Понимаете, в роще лучше видеть только рощу – и ничего более...

Я вздрагиваю и опускаю глаза под его взглядом. Знакомые обороты речи, очень знакомые...

– Всё-таки я хотела бы поговорить с вами об У. – можно начать с Малиновки... – вставляю я, надеясь тем самым отвлечь его от моей персоны.

Он вздыхает и прислоняется к спинке скамьи. Его напряженные плечи чуть расслабляются и опускаются.

– Наталья, послушайте меня... Я тоже начинал, как вы: завёл блогик, рыскал тут, бил копытом, интересовался, записывал. А потом – как отрезало. Вы не заметили дату последней моей записи в блоге? Больше трех месяцев назад. Я теперь этим не занимаюсь, и вам не советую.

– Но почему, Павел Сергеевич? Любопытно же...

– Любопытно, – Ташин передразнивает мою интонацию. – Девушка, да ничего любопытного! Просто собрание пустых фактов, домыслов и слухов – только и всего. Поройтесь вон в желтой прессе – и найдете то же самое.

Мы молчим. Он не смотрит в мою сторону, а куда-то в небо и на верхние ветки деревьев.

– Хотите пройтись? – неожиданно предлагает он и быстро поднимается. Я тоже встаю вслед за ним. Мы идем по одной из аллеек, уводящих вглубь парка. Он шагает широко, и мне приходится идти быстрее, чем я привыкла.

– Вы вот говорите: монография, – продолжает он. – И что там будет написано не только про У.

Да уже это – какая-то насмешка! Знаете ли, наш город – большой ревнитель. Конкурентов и сравнений не любит...

Тут Ташин смеется – тонко и нежно, почти фальцетом, что совсем не подходит к его стремительности и резкости.

– Но вот если начать с Малиновки... – повторяю я. Диктофон записывает уже минут 15: я включила его еще перед тем, как сесть на скамейку.

– Малиновка... – его голос становится мечтательным. – Это мое любимое место в городе. Вы знаете, что здесь более 200 пород разных деревьев? Смолины постарались, очень богатые и образованные были помещики. И эта роща – единственное место во всем городе, где уцелел кусочек того леса, что был еще в XVIII и даже в XVII веке. Представляете?

Я давно хотел написать историю Малиновки – такую увлекательную, настоящую, чтобы передать читателю всю мою любовь к этому месту. Говорят, – но это тоже слухи, конечно, – что сам Гончаров – наш писатель-классик – вдохновлялся тут для написания своего «Обрыва». Слышали про то?

– Я слышала, что компаньонка здешней барыни – ваша родственница, – осторожно, боясь его спугнуть, говорю я.

– Ну, не компаньонка, – морщится мой собеседник. – Скорее, она была няней Кэтлин – Смолину так звали, на английский манер. Ее отец ведь был ирландец. Да, да, это целая история. Кэтлин досталось в наследство огромное состояние – у нее тут были и земли, и заводы. Было еще одно имение в сельских районах – оно потом под школу использовалось. И няня-то – эта самая Джейн, тоже, кстати, англичанка – и предложила соорудить вот эти родовые усыпальницы для себя и своей барыни. Причем заранее – когда о смерти из них никто еще не помышлял. А потом революция... Ну вы знаете всю эту историю...

Я молчу, понимая, что он продолжит сам: я вижу, что ему хочется продолжить, но он борется с собой. Мы переходим на другую дорожку; звук от автомобилей совсем перестает быть слышен. Лишь шум ветра в кронах и редкая перекличка птиц.

– И вот потом все эти рассказы – склепы, клады, подземные ходы... А знаете что? – он останавливается и смотрит на меня из-под ладони, закрываясь от солнца, которое нашло путь сквозь ветки деревьев и светит ему в лицо. – Не хотите взглянуть на эти самые склепы? На самом деле это не так далеко, если знать дорогу. Просто я придерживаюсь того простого принципа, что лучше один раз увидеть...

Я киваю, и он тут же сворачивает на другую тропинку – уже без асфальта. Мое сердце стучит сильнее, но я изо всех сил стараюсь скрыть свою радость. Только бы его не спугнуть, только не...

– Дело ведь даже не в том, есть ли там подземный лаз или нет. Я уж молчу про дурацкие слухи о кладах – меня это вообще мало интересует. Вся соль в другом...

Он останавливается и поворачивается ко мне. Узкую тропку со всех сторон окружает низкий кустарник с красноватыми листьями. У Ташина взъерошились волосы на голове, борода ушла в сторо-

ну, а глаза блестят – он похож на поэта, охваченного вдохновением.

– Вот если я вам скажу, Наталья, что лаз есть? Что подземный ход существует – вот что это изменит? Для вас лично? Да ничего!.. Дело совсем не в лазе, а в том, кого мы там можем встретить. Так ведь, Наталья?

Глаза мои расширяются, в правом виске молоточком стучит пульс. Несмотря на то что солнечный свет заливает всё вокруг, я опять ощущаю себя в темноте, где вздыхает кто-то огромный.

Он, видимо, замечает бледность моего лица и удовлетворенно хмыкает.

– Значит, успели кое-что увидеть, да? Быстро, однако. Некоторые годами ждут – и ничего. Что-то, наверно, есть в вас...

Ташин поворачивается и идет вперед своими большими шагами. Я смотрю на его удаляющуюся спину, ни о чем не думая. А затем семеню за ним. Солнце светит, птицы поют.

* * *

– Вот это барский, а вон тот – его сейчас совсем прошлогодним мусором засыпало – предназначался для Джейн. Раньше тут даже крест был, потом его погнули и сломали, – мы стояли возле полуразрушенного каменного сооружения, которое напоминало уходящую вниз арку. На боковинах сохранились остатки ржавых петель: раньше, вероятно, тут находились двери. Сейчас на их месте зиял полузасыпанный землей и камнями провал.

– Знаете, что самое любопытное? – спросил Павел Сергеевич. Не дожидаясь моей реакции на свой вопрос, он положил руки на каменные бока арки и, опершись одним коленом на завал, сунул внутрь голову. – То, что в этих склепах так ведь никого и не схоронили. Барыня и ее няня умерли не в России – одна в Англии, другая в Харбине. О-оп!

И, к моему изумлению, «дед-краевед» исчез в дыре, втянувшись туда, словно змей-искуситель. Я невольно тоже приблизилась к арочному входу, пытаясь рассмотреть, куда делся мой гид.

– Не бойтесь испачкаться? Тогда прыгайте за мной. Фотоаппарат-то у вас есть? Вряд ли ведь еще сюда сунетесь.

Я быстро отщелкала внешний вид барского склепа и просунула голову в дыру.

– Давайте, давайте, не бойтесь, я вас здесь подстрахую!

Я, попровавшись с чистыми руками и джинсами, полезла вперед. Лаз уходил плавно вниз, а затем быстро начинал расширяться. Грязь под руками вскоре сменилась холодным камнем. Ташин сидел на корточках с небольшим фонариком в руках.

– Лезьте за мной. Еще немного и можно будет выпрямиться в полный рост, – и верхняя часть его тела снова исчезла в чернеющем провале. Я старалась заглушить все мысли и чувства, потому что дай я им волю – и приключение закончится. Разум и страх заставят поспешно ползти обратно. А разве не за этим я сюда приехала? Или всё-таки действительно не за этим?

Краевед ждал, подсвечивая мне дорогу фонарем.

– Осторожнее, не ударьтесь. Теперь можно

уже выпрямиться. У вас в смартфоне есть фонарь? Отлично. Можете и фотографировать со вспышкой. Тут начинается коридор – он выложен кирпичом. Это и есть тот самый лаз, о котором вам рассказывали.

Я щелкаю затвором, фотки получаются мутноватые, потому что фотоаппарат не ахти – обычная мыльница.

– Куда ведет этот лаз, Павел Сергеевич?

– Вы на самом деле думаете, что я проходил его до конца? – он смеется. – Поверьте, вряд ли вообще кто-то это делал. Может, только строители. Да и зачем? Чтобы встретиться, не нужно проходить весь путь... Идите за мной, старайтесь смотреть, где я нагибаюсь, тогда сохраните голову целой для науки.

Я осторожно двинулась за ним, светя себе под ноги смартфоном. Он молчал минуты три, я решила, что надо задать какой-то вопрос.

– Павел...

– Ш-ш. Здесь давайте немного помолчим. Я сам заговорю, когда можно будет. Это место, Наташа, требует уважения и тишины. Большого уважения...

Диктофон я всё равно не выключила – он мог работать много часов подряд. Ташин передвигался неспешно, но уверенно. Я сделала вывод, что он сюда заглядывает частенько. Пол коридора – сухой, завален кусочками красного кирпича, штукатурки; иногда попадались почерневшие листья и ветки. Было прохладно, но вполне комфортно. Пахло не так, как в подвале: скорее, запах напоминал атмосферу старой кладовки, заставленной прошлогодними соленьями, забытыми березовыми вениками и старым садовым инвентарем.

Мы шли минут десять. Я заметила, что кирпичный пол всё время уходил под легким уклоном вниз – будто бы мы спускались всё глубже и глубже под землю.

Страх почему-то оставил меня. Я вспомнила, как мы с мамой – очень-очень давно, когда еще Катьки даже в проекте не намечалось – играли в прятки на улице. Мы тогда жили в Твери в небольшой трехэтажной сталинке. Сбоку этого дома располагалась узенькая дверь, ведущая в подвал. Обычно на ней висел небольшой замок, но в тот день ее оставили открытой.

Пока мама сидела рядом с песочницей и считала вслух, закрыв глаза руками, я успела добежать до входа в подвал и спуститься туда, прикрыв за собой дверь. Подвальчик оказался сухим и аккуратным. Мама быстро сообразила, куда я делась, и вместо того, чтобы отругать меня, сама спустилась туда.

И мы сидели с ней там на каком-то старом деревянном ящике, наверное, минут сорок. Через продухи к нам попадал свет, появлялись и исчезали тени прохожих, слышались искаженные толстыми стенами звуки голосов и автомобилей. А мама рассказывала мне какие-то веселые сказки – истории про подвальных человечков, которые она, наверно, придумывала прямо на ходу. Как же мне тогда было радостно, как я ее любила!.. Я совершенно точно была уверена в том, что моя мама – добрая волшебница, знающая обо всем на свете, самая добрая, самая веселая... Я потом десятки раз рассказывала об этом своим подружкам по детсаду, и они отчаянно завидовали мне, потому что ни у кого не было такой

мамы, которая полезла бы за ними в подвал. Ни у кого...

– Теперь можно и поговорить. Наталья, можно на ты? Ага. Чувствуешь, что коридор изменился? Я говорю не про внешнюю сторону дела, а про внутреннюю.

Мы остановились с ним возле развилки – основной проход по-прежнему шел прямо. В боковые стороны, налево и направо, уходили два узких лаза, похожие на трещины в полу.

– Вот тут самое важное, Наташа, – он говорил негромко и серьезно. – Тут нужно постоять и подумать. Это не простая развилка – и досюда, кстати, далеко не все добираются. Потому что не знают правил – шумят, галдят, выпендриваются – и их просто не пускают. Надо закрыть глаза и открыть чувства. Дальнейшее зависит от самого человека. Я потушу пока фонарик, а ты выключи свой на смартфоне.

Я подчинилась его указанию. Закрывает глаза, прислушиваясь к окружающему. Когда мы перестали идти, стало совсем тихо. Я не слышала даже дыхания своего спутника, хотя он находился совсем рядом. Ничего не происходило. Прошла минута, другая. Я, улыбаясь, тихо спросила, можно ли открыть глаза. Мне не ответили. Еще не включив фонарик в телефоне, я с бьющимся сердцем уже поняла, что произошло. Но просто отказывалась в это поверить. Фонарик высветил лишь кирпичные стены и темноту коридора. Я позвала его один раз, второй, потом закричала во весь голос.

– Это совсем глупо с вашей стороны, Павел Сергеевич! И не смешно. Завести девушку сюда, а потом спрятаться... – я говорила еще и еще. Звала, обзывала его, начала даже всхлипывать – ничего в ответ. Тишина. Абсолютная.

А затем с той стороны коридора я услышала звук, похожий на тяжелый вздох.

5.

– В каждом подвале, Таша, живут свои маленькие человечки. У них такие серые шапочки с острым верхом и зеленые штанишки. Они обожают сказки и музыку – особенно звуки колокольчиков. Как звенит колокольчик? Динь-динь-динь! Тебе нравятся сказки? И им тоже. Все их любят...

Мама обнимает меня, от нее идет тепло, голос у нее такой мягкий-мягкий, волшебный.

– Мам, а человечки дарят подарки?

– Конечно. Но не каждому, а только тем, кто в них верит, кто их любит. Вот им они дарят сладкие конфеты и свои волшебные истории. А тому, кто их обижает, – они... отворачивают голову, Таша. Выгрызают внутренности, Таша...

Голос у мамы становится низким и чужим – как у той «англичанки»... У какой такой англичанки?..

Я слегка отстраняюсь от мамы и смотрю ей в лицо. И вижу, что мама – другая. Рот и нос у нее уезжают куда-то в сторону, голова удлиняется. Мне страшно, очень страшно, но я смотрю ей в глаза и вижу, что там осталась прежняя мама.

– Мама, а чего не любят человечки? – спрашиваю я. – На что они обижаются?

Та молчит, хмурит брови, голова ее расширяется во все стороны, но я не хочу замечать этого, я смотрю ей только в глаза.

– Мы не любим тех, кто нас не любит. Тех, кто думает, что можно жить без нас. Тех, кто выпендривается и гордится собой. Тех, кто забывает о нас, пренебрегает нами, надеется только на себя. А мы – тут, тут, тут, тут...

Голос ее становится мягче, из него уходят грубость и бас, черты ее лица колеблются, а затем всё охватывает мягкий зефирный туман. Мне хорошо. Мне до безумия хорошо.

* * *

– Ч... что... Что вы... Что вы сделали со мной? – я поднимаюсь на локтях. Вижу Ташина, который сидит возле входа в склеп и курит.

Я лежу недалеко – на травянистом пригорке рядом с кустами шиповника.

– Очнулась? – он выдыхает дым и не смотрит на меня. – Крепко же тебя взяло. У других не так сильно бывает... А я вот один туда ходил. Один и выползал оттуда.

Я попыталась встать, но ноги еще дрожали. Поэтому я осталась сидеть на теплой траве.

– Вы меня вытащили оттуда?

– Ну а кто же? Пушкин, что ли? – он прикуривает еще одну сигарету. – Куришь? Ну и правильно. Много щас курящих девчонок, мне это не нравится.

– Что со мной было?

– А я откуда знаю? – он улыбнулся и покачал головой, как будто я удачно пошутила. – У каждого свое. Но есть и общее, конечно... Кто у тебя умер?

Я не ответила, так как из-за его вопроса мгновенно вспомнила, с кем недавно, только что, вот только что говорила, общалась. Кого обнимала.

– А у меня вот – жена. Звали Светой. Светланой Николаевной. Работала в городском архиве. Я её целых десять лет не видел, начал забывать ее голос, лицо – вот до тех пор, пока сюда не залез.

Я молчала. Не могла справиться со слезами.

– Поплачь-поплачь. Это хорошее дело – поплакать о них. Вот только... – он резко развернулся ко мне и, сжав кулак, погрозил в мою сторону. – Ты, Наташа, послушай меня, очень внимательно послушай! Ходить в этот склеп больше нельзя! Нельзя и всё! Понимаешь?!

Павел Сергеевич выдохнул и спрятал лицо в руках, я видела, что его плечи сотрясаются от беззвучного плача.

– Нельзя туда, Наташенька, а тянет. Тянет, дурака! – он убрал руки с лица, но в мою сторону не посмотрел. – Ты знаешь, сколько раз я там уже был? Я уже сбился со счета. И ведь, сволочь, сдержаться не могу – других вот вожу. Жалко ведь! У одного – друга моего старого, еще по радиоламповому заводу с ним знакомы, – сын утонул. В Волге. Прямо во время соревнований – они там парусным спортом увлекались. Так он жизни хотел себя лишиться... Ну я и привел его сюда. А он потом стал шастать чуть ли не каждый день. Я его уговаривал, умолял – нельзя, дескать, так. А он что, меня слушать будет? И три месяца назад – всё. Приплыли. Нашел его тут, у входа. Дело-то по весне было – еще снег лежал. Признали инфаркт, но я-то знаю, в чем дело... Забирают они, уводят с собой, да. Хорошо там с ними. Ведь правда, Наталья?..

Я закивала. Меня начал бить озноб, хотя солнце еще освещало верхушки деревьев.

– Павел... Сергеевич. А фотоаппарат мой...

– Чё, дрожишь, да? Это бывает, – он поднялся на ноги. – Фотоаппарат твой, Наташа, остался там. Это место не любит... пиара.

Снова я услышала его фальцетный смех. Я автоматически коснулась своего кармана – диктофон вроде на месте. И то хорошо.

– Ну, сможешь встать? – он протянул мне руку, и я, ухватившись за его ладонь, поднялась.

Через полчаса мы вышли к основной аллее парка.

– Вот что, Наташа. Просить о том, чтобы ты никому об этом не рассказывала, я не стану. Бесплезно. Уж я-то знаю, поверь. Но запомни: если ты отведешь туда человека или расскажешь ему про коридор, – он на твоей совести. Целиком и полностью. Твоя вина и твоя боль.

Он кивнул мне и пошел прочь широкими шагами. Оставалось только смотреть ему в спину.

До смерти захотелось пить и – позвонить Катю. Господи, как она там одна? *Я-то ведь маму видела, а она – нет.*

Глава 5. Паранормальная экология

1.

– Чуваки, просто отпад! Вот тут тот самый домик раньше стоял, а щас шиномонтажку зафигачили. Так, стоп, щас будет сложно, тут не просто заборчик – сверху колючку натянули, – Рослик шепчет в микрофон от экшен-камеры. Сама видюха закреплена у него на голове – будет что показать ютуб-зрителям.

К нему на канал уже добавились больше 15 тысяч подписчиков. Лиха беда начало, как говорится. Так, трейсер и сталкер, вперёд!..

Всё четко вышло. Объект, конечно, особенный, это тебе не какая-нибудь заброшка, а охраняемая частная собственность. Да что говорить: снять знаменитый 41-й дом по улице Розы Люксембург! С полтергейстом и со всеми наворотами. Это вам не в тапки гадить. Хей-хо!..

Рослик, крадучись, обходит двухэтажное здание с темными пластиковыми окнами. Тут явно не живут – вверху офисы, внизу шины меняют. Он сразу замечает видеокамеру под карнизом: попасться в объектив нельзя. Хорошо, что на голове – черный капюшон, и сам он одет во всё смутно-серое.

Крутотышка крутота – это, конечно, пробраться в подвал. Потому что прежний дом снесли, двор закатали в асфальт – кароч, ничего интересного. А вот подвальчик – уже кое-что. Можно вещать братьям по инету, что ты реально заснял что-то клёвое.

– Так, что это у нас тут? Подвальное окошечко? – шепчет Рослик в микрофон. – Пам-бам! И как у нас открываются пластиковые окна, кто помнит?..

Он снова думает о том, что рыскать по частной территории – то еще приключение. Не сталкерская это фишка, не для трейсеров и проводников. Но, с другой стороны, какого чёрта? Не грабить же сюда залез Рослик, а пообщаться. Всего-то проверить одну идею.

С окошком он справился за какие-то десять минут. Втянулся туда, будто уж в нору, и, спрыгнув,

ощутил под ногами холодный кафель. Он включил небольшой фонарик-карандаш и тут же присвистнул от удивления. Вместо ожидаемого подвала он попал в большой, хорошо оборудованный гараж, в котором отдыхала белая «Тойота».

– М-да... Шуточки прочь, – шепчет он в микрофон. – Если меня здесь застукают, точно решат, что я за тачкой припёрся сюда. Или за магнитолой.

Парень оглядывает кафельный пол и вскоре находит искомое – крышку люка. Та, слава богам, оказывается незапертой. Рослик поднимает ее, залезает вниз, в темноту, и тихо прикрывает за собой. Железная подвесная лестница, как он и думал, ведет в большой погреб. Это как раз то, что ему нужно.

2.

Он, конечно, не ставил себе никаких четких целей, но знал, что его вылазка должна что-то подтвердить. Где-то внутри его сознания уже оформилась гипотеза, но ему нужны были веские доказательства («Рослик, ведь у тебя сердце настоящего исследователя!»).

Бывший диггер достал из рюкзака небольшую туристическую пеночку и расстелил ее на холодном бетонном дне погреба. Вдоль стены тянулись полки с банками, пахло прошлогодней проросшей картошкой – остро, до щекотки в ноздрях. Устроившись в йоговской позе, Рослик посветил вверх: плотно ли он прикрыл крышку?

Затем выключил фонарик, вынул из внутреннего кармана губную гармошку, и вскоре абсолютная, космическая чернота подземелья 41-го дома услышала блюзовые мотивы старика Сонни Боя...

* * *

Отец улыбается. Он сидит рядом с ним на полу и покачивает головой в такт блюзовым вертушкам сына.

– Ты идёшь правильно, Рослик. Доверяй себе. Прочь мозги, верь чувствам, верь собственной заднице, осязанию, обонянию! Вот скажи: когда весна высушивает все дороги в У., что происходит на улице? Звуки, меня интересуют звуки!

Сын не перестает играть и думает над вопросом.

– Ну? Сдаешься? Хорошо, давай я тебе помогу, – продолжает отец. – Послушай вот это: *кожа резиновых подошв авто с шелестом отслаивается от костей асфальта...* Вчувствуйся в сказанное. Понимаешь, о чем я? Звуки, сын, звуки! Город нужно слушать – и тогда он прислушается к тебе. В него надо внюхиваться – и он тоже обязательно ответит. Давай-ка еще попробуем. Что ты слышишь?

Рослик замирает, и гармоника замолкает. Тишина тут же выскакивает из темноты, как вор из подворотни. Силуэт отца начинает тускнеть, и музыкант, спохватившись, снова извлекает тихие блюзовые нотки.

– Забудь о том, что ты делаешь. Забудь о себе и обо мне, – голос отца становится тусклым и мертвым. – Тебе давно пора забыть об этом. И тогда ты услышишь...

Играющий старается изо всех сил. Старается изо всех сил...

Фары в вечернем городе – это разноцветные глаза. Поток в коллекторах и ливнёвках – преодоле-

вает границы живого и неживого. Не только люди и их взаимоотношения, но и много чего еще: голуби, бродячие кошки, собаки, воробьи и крысы, тараканы и черви, брошенные вагоны возле Черного озера, мертвый цыганский барон под сосной на Майской горе, кладбище домашних животных в Горелом лесу...

Город без особинок – мертв и абстрактен, словно дохлая волжская рыба. Текущие массы внизу, вода по трубам, река совсем рядом – заключенная навеки в бетонные кольца Бригадирка... Хей-хо, чуваки, хей-хо!

– Ну, услышал? – спрашивает отец. Сын кивает. А потом сверху что-то взрывается и осыпается стеклянным дождём. Крышка погреба шатается, и ее срывает с места, словно пробку из-под шампанского. Металлическая лесенка, по которой Рослик спустился, ходит ходуном, будто на корабле во время шторма.

Диггер трясушимися руками включает фонарик, кое-как сворачивает пенку в рюкзак и взлетает наверх. Оказавшись на кафельном полу гаража, он случайно светит на «Тойоту» и замечает, что лобовуха у машины покрыта сетью мелких трещин.

Парень подтягивается за край пластикового окна, выбирается из гаража и мчится к забору. За ним по пятам следует тишина – ни звуков сигнализации, ни криков, ничего. Через минуту серая фигурка руфера растворяется в ночной фонарной жизни города У.

3.

Дарья Горина, спецкор газеты «У. вчера и сегодня», очень не любила три вещи: запах пота, который постоянно носил за собой их ответсек Серёжа; добывать новости на первую полосу – за час до сдачи номера в типографию. И, само собой, когда Беляночка, ее коллега и соседка по офисной комнате, брала первой трубку стационарного телефона.

– Алло? Да, отдел новостей. М-м... Ага. Да, да. Ну, в общем-то, интересно. Вы как хотите это сделать – в виде интервью с вами? Хорошо. Я с редактором поговорю. Диктуйте ваш номер, я перезвоню, – и Беляночка огрызком карандаша что-то пишет на прошлом выпуске газеты. Ее зеленые глазки загораются тем самым огоньком, после которого в «У. сегодня» появляются первополосные материалы.

Горина смотрит вслед напарнице, убежавшей в кабинет редактора, и, забываясь, грызёт новый дорожный маникюр.

* * *

Рослик постучался в комнатушку, где сидели новостники, в четверг – в тот самый день, когда Наташа Кожеева встретила маму в Малиновском склепе. Горина успела слинять в городскую администрацию, чтобы записать пресс-конфу по дорожному ремонту: какие улицы уже сделали, а где-то заляпывать дыры еще только предстоит.

– Садитесь, – сказала Беляночка и положила ему под нос диктофон. – Я вообще-то экологическую тематику люблю. Рассказывайте.

Парень ей как-то сразу понравился: худой, мускулистый, с задумчивым взглядом. В общем, Дашка Горина точно обзавидуется.

– Я насчёт реки. Вы в курсе, что под центральной частью города течет речка?

– Нет... Да... Ну что-то слышала, – отзывается журналистка. – А что, там с ней какие-то проблемы?

– Да, – кивает парень. – Я был там... Ну в самой бетонке. Туда сливают всё подряд – и канализационные стоки, и промышленные. Но не это главное. Важно, чтобы ее освободили!

– Кого? – поднимает брови Беляночка и поправляет очки. Свое главное оружие – рыжие кудри – она как бы нечаянно распределяет по плечам, чтобы выглядело покрутивее и поэротичнее.

– Да Бригадирку. Ей там фиг... нехорошо ей. Река должна течь там, где ей хочется, по естественному руслу, а не по бетону. Давайте об этом напишем, а?

Журналистка смотрит в глаза Рослика, и ей почему-то становится не по себе. Будто она видит за его спиной кого-то другого – большого и небезопасного.

– Окей, – кивает она. – Сделаем. Только нужен комментарий эксперта – какого-нибудь известного городского эколога. Не беспокойтесь, коммент я сама добуду. И еще дам вам совет – надо петицию создать. Это сразу весу прибавит. Если соберём хотя бы тысячу подписей – вообще будет бомба!

Рослик улыбается и продолжает толкать телегу про Бригадирку. Беляночка потирает лапки и готовится занять целую полосу в будущем номере – с обязательным анонсом на первой.

– То есть вы как бы диггер? А вот если поподробнее про вашу вылазку в бетонную трубу! – просит журналистка. – Это очень интересно, мы, может, даже серию репортажей сделаем.

Рослик рассказывает – и сначала хочет удержаться от ненужных подробностей, чтобы не упоминать про Синдру и свои тайные мысли, но постепенно выбалтывает всё.

– Понимаете, у меня тогда возникло такое чувство... Ну когда вот всё это приключилось, когда я Синдру там оставил, – будто я не её там бросил, а саму... реку. Бригадирку. Я-то выбрался, а она там осталась. В этом бетоне. Разве это хорошо, что живая река так много лет томится в трубе? В ней же давно всё умерло – нет ни рыбы, ни растений, одна только вонь, ливнёвки и канализационные сливы. Вот я и подумал: почему бы не напомнить о ней людям? Я даже готов сводить в бетонку желающих – пусть сами посмотрят.

– Отлично, – улыбается Беляночка. – Я бы тоже туда ходила. Фотки бы сделала для интервью, впечатления свои описала. А? Вы не против?

У Рослика всё цепенеет внутри, он снова переживает июльскую ночь в бетонке, когда МЧС-ники не смотрели в его сторону и он чувствовал себя подлецом и неумехой.

– Это можно, – хрипло отвечает он. – Но желательно кого-то еще поопытнее прихватить с собой. И погоду нужно контролировать...

Честно говоря, он уже жалел, что связался с газетчиками.

«Зачем пошел? Чего меня туда понесло? – корил он себя, когда после интервью катил на роликах в домашние пенаты; нужно было еще успеть собраться к сегодняшнему дежурству в столовке. – Ну

напишут они чего-нибудь про Бригадирку, разве это что-то изменит?»

И в то же время он чувствовал, что поступил верно. В любом случае это лучше, чем снова остаться наедине с собой и своими мыслями. Ведь там, в подвале 41-го дома, он полностью подтвердил свою гипотезу, по крайней мере, он так считал. И в столовой, и в доме с полтергейстом есть что-то одинаковое. И его сердце исследователя подсказывало, что Бригадирка с этим связана напрямую.

«Может, она под этим домом тоже течет – как-то совсем близко? Хорошо бы по карте посмотреть, но она ведь только у Синдры сохранилась. Мой-то смартфон тью-тью, смылся... И неплохо было бы еще у этого Ташина в блоге почитать что-нибудь: вдруг он что-то накопал? Идеально – вообще с ним списаться или встретиться. Можно тогда будет вопрос про Бригадирку сразу задать: нащупал ли он какую-то связь?».

Одно Рослик знал точно: реку в бетонке держать больше нельзя. Ей там плохо, ему об этом чётко сказали, когда отец заставил его раскрыть уши. И он услышал.

4.

– «Спассти Бригадирку! Диггеры обращаются к городской власти». Какой по-провинциальному кричащий заголовок – красный на черном... – Татьяна Федоровна сняла очки и протянула свежую газету своей молодой коллеге. – Видела, Наташенька? Вот не думала, что в У. есть такие активисты!

Я по диагонали пробежала статью и уже собралась отложить газету, но тут еще раз посмотрела на опубликованное фото парня, который давал интервью. Где-то я его видела, это точно. Решила прочитать повнимательнее.

– Значит, Наташенька, ты через три дня собираешься в Москву? Да, сестрёнку надо выручать, что и говорить... Но как же я одна-то тут, прямо не представляю, – Супонина заводила эту пластинку уже в четвертый раз за сегодня. – Даже вот вечером в магазин сбегать – и то для меня проблема и потеря времени. Но куда ж деваться-то, куда деваться...

– Да я, может, вернусь, – неожиданно для себя брякнула я в ответ. – Возьму и вернусь сюда с Катькой. Всё равно они сейчас не учатся. Она у меня смышленная, мешать не будет.

– Ой, да это будет просто великолепно! – просияла научрук. – Мы тогда уже не спеша здесь всё сможем завершить. Очень хорошая идея!

Я кивнула и подумала о Малиновке. Интересно, что скажет Катька, если я ей предложу... ну только один разочек... встретиться с мамой? Я пойду в рошу вместе с ней, конечно. Без меня она там ничего не найдет, да я и не отпущу ее одну.

«Подземная речка течет на протяжении трех километров, заключенная в бетонный саркофаг, и проходит через весь центр У. Раньше горожанам приходилось ежегодно бороться с оползнями и оврагами, в свое время был построен даже деревянный мост – недалеко от того места, где сейчас располагается Дом быта...», – продолжила я читать газетную статью.

– Интересно, как же они собираются освободить речку от бетона, – проговариваю я вполголоса.

– Кто же им позволит вскрывать полгорода...

– Да, да. Я тоже об этом подумала! – кивает Супонина, которая услышала мое замечание. – Тут за эти годы столько зданий построили в центре – на месте бывшей Бригадирки. И мемцентр, и гостиницы, и Дом быта, и магазины всякие. Мне об этом, кстати, кто-то рассказывал из местных – уж не Соболев ли Иван Иванович? Но тут, видимо, цель другая – просто раздуть тему, поболтать. Как обычно в газетах.

Я кивнула и перешла к последним абзацам заметки про подземную речку.

«– Я сам был внутри бетонки и видел то, что творится с рекой. Могу проводить туда желающих, чтобы они убедились, во что превратилась Бригадирка. Она взывает о помощи, я всего лишь передаю ее просьбу людям, – такими словами завершил беседу герой нашего интервью Антон. Напомним, что имя диггера, по просьбе нашего собеседника, изменено. Теперь мы ждем реакции городской власти на это предложение. Обещаем опубликовать ответ чиновников в ближайшем выпуске».

Статья была подписана некой Екатериной Беляевой. Я смотрела на эту фамилию и боролась со смутным желанием позвонить в редакцию. Зачем мне это? Записать пару текстов про Бригадирку? Подземная река... «Я всего лишь передаю ее просьбу людям». В принципе, интересный городской персонаж этот Антон. Может, стрельнуть его контакты у журналистки и встретиться с ним? Почему бы нет – наверняка записи от него будут любопытными.

С этой мыслью я пошла в свою комнату и почти по инерции решила зайти на страничку Ташина. И не смогла. Свой блог он удалил – наверное, еще вчера, когда мы вернулись из склепа. Конечно, кое-что я успела сохранить, что-то можно будет найти в сохранных копиях поисковиков. Но ведь он писал туда не один год, это такой труд, там столько можно было интересного накопить...

Я отлично понимала, что он это сделал из-за нашей вчерашней вылазки – но, честно говоря, не испытывала настоящего сожаления. Всё-таки главным был склеп. Всё остальное, в том числе – моя научная писанина, – меркнет перед этим потрясающим открытием.

Тут смартфон пропиликал сообщением. Послание из «Вайбера» от Катика: «Наташа, они забрали меня в реабилитационный центр. Папа попал в переделку – подрался с охранником в супермаркете, сейчас сидит в изоляторе. Опека припёрлась к нам на следующий же день... Наташик, пожалуйста, забери меня отсюда!»

Забыв обо всём, я сразу же набрала ее номер – абонент недоступен. Через 15 минут я заказала через инет билет на вечерний поезд в Москву. Супонина, понятно, не пришла в восторг от происходящего, но мне уже было наплевать.

5.

«Вокзал, на мой взгляд, – одно из ключевых мест любого города. Здесь, как и на любом пограничье, заметней то, что пытается укрыться в центре. Тут видна городская сердцевина, душа и тело одновременно».

Но особенно меня завораживают вокзалы про-

винциальные: тут нет места муравейнику многотысячной толпы какого-нибудь Казанского. Здесь каждый персонаж наперечёт, каждого хочется поймать в исследовательский объектив и спросить: «Кто ты? Зачем и куда ты уезжаешь или приезжаешь? Почему...»

– Наташенька! Хо-хо-хо... – мои размышлизмы прерывает голос, похожий на звук грузовика, проехавшего под самым окном. – Уже уезжаешь? Да неужели ты успела всех записать и изучить? А где Татьяна Федоровна?

Надо мной навис бывший комсорг Иван Иванович Соболев. Он плюхнулся на пластиковое сиденье рядом со мной, обтёр свои бело-серые усы, и уже через минуту я молилась, чтобы мы оказались в разных вагонах: он тоже ехал в столицу.

– Да вот за сестрёнкой еду, Иван Иванович. Но я собираюсь вернуться еще в У.

– Ага, ага. А Супонина?

– Супонина остается. Еще недели на полторы...

– Ага, ага.

Я слегка зажмурилась, потому что он повёл в мою сторону своим носом и с легким шумом втянул воздух. Принюхивается, гад... Ну почему я не поехала с утра?

– И каково оно? – продолжал расспрашивать Соболев. – Как тебе наш городишко? По душе пришёлся?

Я пожалала плечами, рассчитывая отделаться от этого вопроса парой дежурных фраз. Как бы не так.

– Ты знаешь, – сказал он после моих «нормально», «ничего так», «достаточно интересно», – это не ответы ученой дамы. Нам, ну то есть старожилам, очень даже интересно мнение со стороны – особенно от представителей, так сказать, нового поколения. Где ты была? Что видела? До 41-го дома добралась?

Я покачала головой, стараясь не показывать, что страдаю от этого допроса. Мне хотелось побыть одной, подумать о Кате, повспоминать маму.

– А в Малиновке? Про склепы-то ты, надеюсь, что-то выяснила? – он смотрел на меня так, будто мы сидели не на вокзале, где всё транзитно, даже беседы и мнения, а у него дома; так, словно он и пришёл сюда только для того, чтобы выяснить, выведать и... вынюхать.

– Да... Я как раз встречалась с Ташиным – по вашему совету, Иван Иванович. И мы с ним ходили к склепам.

– Ага, ага. Отличненько. И?..

– Очень интересно. Ну мне так показалось, по крайней мере. Я записала несколько рассказов про Смолиных, про клады и про эти склепы. Любопытно, в общем... – мне невыносимо захотелось встать и убежать. Прямо вот сейчас... Прочь, прочь!

– Вы с ним ведь туда залезли, так ведь? Я знаю этого Ташина как облупленного: он своего не упустит. Еще тот благодетель!.. Хо-хо-хо...

– Я... я... Извиняюсь, Иван Иванович, но мне надо до туалета дойти. Подскажете, куда идти?

– Иди прямо, потом надо спуститься по ступеням. А у тебя какой вагон, Наташенька?

– Одиннадцатый, – я поднялась и торопливо пошла прочь вместе с сумкой.

– Так у меня ведь тоже, Ташенька. Совпадение,

вот так совпадение! Значит еще побеседуем!.. Хо-хо-хо! – услышала я вдогонку его грохотание. Невольно заскрипишь зубами, честно слово.

* * *

Я не могла даже самой себе объяснить, почему Соболев вызывал во мне такую реакцию. Наверное, всё-таки главная основа этих неприятных чувств – страх. Рационально объяснить, чего именно я боюсь, я не могла – и это пугало еще больше.

– Ну, рассказывай, рассказывай! – торопливо сказал он, как только я спрятала свою сумку под сиденье. Мы сидели на нижней боковушке возле окна. За окном лежало желтое тело двухэтажного вокзала: поезд еще не тронулся.

– Мы ходили туда с Ташиным... – я прятала от своего собеседника глаза. – Пофотографировали, посмотрели...

– Так вы что – не заглядывали внутрь? – Иван Иваныч улыбался. – Извини, не могу поверить. Это не тот случай!

– А вы? – я разозлилась. – Вы сами-то там бывали? Ходили по коридору в склепе?

Он молчал и продолжал улыбаться. Я поглядела ему прямо в лицо и приложила все силы, чтобы не отвести взгляда.

– И я там был, мёд-пиво пил, – наконец произнёс он и посмотрел в вагонное окно. – Меня, Наталья, об этом и спрашивать-то глупо: старожилы все туда ходили. А как же иначе? Иначе никак...

Я тоже посмотрела на желтый вокзал; громкоговоритель объявил, что наш поезд отправляется через пять минут.

– Нам интересно именно твое мнение, Наталья. Чтобы – взгляд со стороны... Ведь ты вернёшься в У.? А? Тут столько еще интересного! Одна Майская гора чего стоит!..

Мои руки невольно вцепились в белую крышку столика. Неужели его допрос нельзя как-то остановить? Почему я должна...

– Нам просто интересно, Наталья – только и всего... – Иван Иваныч пожал плечами. – Не хочешь отвечать – не надо.

Поезд вздрогнул и покатил, а с ним побежало прочь и вокзальное тело. Мы помолчали.

– А ведь есть какое-то щемящее чувство тоски, когда уезжаешь на поезде. Правда? – он закрыл глаза, будто бегущие за окном деревья и столбы мешали ему сосредоточиться на щемящем чувстве. – Я всегда с трудом отрываюсь от этого места: У. позовёт отовсюду, где бы я ни находился. Позовёт и вернёт к себе, притащит назад. Тебе, Наташа, этого, наверно, не понять – слишком молодая еще... Ладно я полез на свою полку, если что – зови.

Я мысленно возблагодарила небеса, что его место было в середине вагона – далеко от моего. Смогу хотя бы отдохнуть и подумать над тем, что делать дальше.

Глава 5. Снова в Бригадирке

1.

Двухэтажный торговый центр «Подсолнух» построили в У. десять лет назад. К нему уже давно все привыкли, владельцы магазинчиков и бутиков тоже прикипели к этому месту и исправно платили

арендную плату собственнику здания Володе Сонину: «Вполне, кстати, божеские суммы за такое козырное место!»

О том, что центр был возведен незаконно и что его фундамент до опасного близко подходил к бетонному руслу подземной Бригадирки, – об этом могли бы вспомнить лишь бывший мэр и экс-начальник службы МЧС – кстати, коренные друзья Володи и оба уже покойные.

Сонин – здешний миллионер, хозяин производства дверей и окон, когда-то крышевавший половину у...ского бизнеса. Сейчас он ушел на покой, жил в уютном загородном доме под У. Город свой Володя любил, предпочитал всяким столицам и вообще в последнее время старался бытовать мирно, коллекционировал старые модели авто и совсем не смотрел телевизор. А тут – такое!..

– Ведь как снег на голову, Миша! – жаловался он по телефону своему давнему должнику, известному в городе бизнесмену, владельцу микрокредитной фирмы «#Важноденьги». – Я сейчас все связи в администрации подрастерял, всё какой-то новый народ там. Они меня не трогают, и я им не мешаю, на логи плачу. А тут – вот те нате, прислали писульку: «Просим вас предоставить правоустанавливающие документы на участок, кадастровый номер такой-то – и прочую лабуду». По бумагам, Миша, у меня комар носу не подточит: Виктор Геннадич, упокой Бог его пресветлую душу, всё мне лично оформлял – на совесть. Но они-то пишут про какие-то изменения генплана города – и ох-ох, чуёт мое сердце беду. Пособишь, Миша, а? Узнай, родимый, откуда там ноги растут, я в долгу не останусь, ты меня знаешь.

И Миша пообещал, что всё узнает, всё сделает: как же не уважить самого Сонина?!

Через день Миша приехал к высоким фигурным воротам Сонинского дома, чтобы лично «перетереть» со стариком. Выяснилось, что воду мутит местная газетёнка – совершенно беззубая и провластная.

– Там еще какой-то хрен – ну, знаешь, вот те, которые вот по канализациям лезят, как их там обзывают, – археолог дурацкий. Вот типа он в эту трубу бетонную залез и потом в газету припёрся: надо, мол, реку, – там же река какая-то, – вскрывать, блин...

Володя шурился, благостно улыбался и кивал. Ну как же: он про Бригадирку знает, как не знать. Он всё-таки в этом городке родился и вырос, из-за этой речки весь геморрой и вышел: отказывались ему попервоначалу давать разрешение на строительство. «Владимир Филиппыч, что вы, что вы!! Ведь может всё обвалиться, если трубу заденем или разрушим, когда вот сваи вбивать будут. Тогда всё – ужас, землю подмоет, оползень случится, и рухнут здания в центральной части города!». Мелочные люди, что и говорить. Но один звонок – и всё решилось. И вот 10 лет его «Подсолнух» радует глаз, приносит пользу людям. Кому он мешает? Какой там на фиг археолог?

– И какие варианты, Миша?

– Ну как: есть у меня в администрации свой человек, я прикрывал его задницу в трудные времена. Только подмазать надо, Владимир Филиппыч...

– Это само собой. Он всё сможет решить? Уверен?

– Ну да. Чё там газетка: покричат и успокоятся. Решают-то не они.

И гость уехал с четкой инструкцией, где взять и сколько передать. Но фортуна в тот раз была не на Мишиной стороне.

* * *

Всё вышло до смешного просто: в мэрии У. в правовом отделе уже три года работала незаметная Светик Лясова. Приехала она с мужем Витей – майором полиции, который устроился в местный отдел по борьбе с экономическими преступлениями, а потом его и возглавил. Всё бы ничего, но за семейным ужином всякое бывает – и о работе, случается, говорят-разглагольствуют.

Светик про своего начальника Петра Федоровича раз сказала, другой сказала, потом перекинула мужу несколько странных документов – ну так, на всякий случай, посмотреть, в качестве доказательства: «Я ведь, Витенька, не дура: смотри, чего тут!».

Ну и всё, разговор короткий. ОБЭПовцы заинтересовались, следили, ждали, вынюхивали. И уж, как говорится, финал, занавес близко, собрали достаточно фактиков – лет на пять тянуло с миллионным штрафом, а тут – вот уж не везёт так не везёт – Миша нарисовался!

Пришел на аудиенцию к своему хорошему товарищу Петру Федоровичу замолвить словечко за благодетеля и отца Сонина. И – хоп! – что такое? Какого хрена? «Руки на стол и не двигаться!». Да как так? Да что это вы себе позволяете? А у Миши в открытом чемоданчике – 500 тысяч наличными. Ах, как нехорошо!

И пошла карусель: допросы, очные ставки, все дела. Ушел Миша с горизонта вместе с Сонинскими денежками. Володя как узнал – совсем приуныл.

И вот ведь незадача: тему про Бригадирку подхватили другие СМИ, заинтересовались даже федералы. Узнал Сонин и про какую-то петицию с тысячами подписей. Ему из разных мест уже звонили и говорили, что «Владимир Филиппыч, дело, мол, труба: чего там с этой Бригадиркой решат – никто не знает, но вот центр «Подсолнух» точно собираются убрать: по всем требованиям и нормам его на этом месте быть не должно».

И вот тогда Володя Сонин обиделся. А так уж у него было принято, что обиды прощать он не умел.

2.

Экскурсию с детсадовским названием «В гости к Бригадирке» решили провести в пятницу – естественно, в лайт-режиме: максимум на часок. В газете «У. вчера и сегодня» об этом даже объявление напечатали – вместе с текстом петиции, которая разошлась в инете, словно коронавирус.

Народу пришло немного, но много и нельзя было: за всеми разве уследишь? Требования к участникам чётче некуда: чтобы 18+, сапоги, болоньевые утепленные куртки, два фонарика, бутылки с водой. Для желающих – перчатки и медицинские маски. Поскольку дело происходило почти официально, к их группе прикрепили Колю, спеца из МЧС, – с рацией и роскошными болотными сапогами изумрудного цвета.

Если не считать Рослика, Беляночки и Коли, все-

го к вылазке присоединились пятеро: двое парней-журналистов из местного телеканала, две девчонки, похожие на гимнасток, и какой-то местный олдовый диггер, о котором никто не слышал до этого момента. Олдовым его Рослик посчитал из-за возраста – выглядел он лет на сорок и представился: «диггер Сергей». Да ради Бога, как говорится, хоть Антон, паспорт-то проверять не будут.

Погоду согласовали, снаряжение проверили и к 10 утра собрались у Каткиного родника. УАЗик МЧС довёз туда всех желающих, парни с телеканала и диггер Сергей приехали на своих авто.

– Слушаем меня внимательно, – проводил предварительный инструктаж Коля. – В трубе держимся в пределах видимости друг друга, внимательно смотрим под ноги, вертим головой по сторонам. Я буду идти замыкающим, чтобы никто не потерялся. Первыми пойдут вон – экскурсоводы.

Последнее слово прозвучало с легким оттенком насмешки, но Рослик не обиделся: он просто радовался тому, что Коля был не из той бригады, что когда-то искала вместе с ним Синдру. МЧС-ник заставил всех участников расписаться в том, что они ознакомлены с правилами безопасности, а затем они полезли в озерцо рядом с входом в бетонку.

Сначала Рослик ничего не почувствовал: как-то за всей этой суетой он забыл о том, что пережил здесь больше года назад. Но когда они пошли по трубе и фонари осветили желто-черный налет бетонного русла Бригадирки, его виски запульсировали. Он с удивлением поймал себя на том, что испытывает радость, – то самое чувство, какое охватывает человека, увидевшего вечерние огоньки родного города. («Колёса вагона стучат-стучат, мелькают деревья, плывут толстые провода за вечерним окном, и вдруг – городские фонари. Город, город, ты ждал меня! Звал меня, тянул изо всех сил...»).

– Идем осторожно, смотрим под ноги! – еще раз напомнил Коля откуда-то издалека – будто из нуржности.

– Первое упоминание о Бригадирке датируется 1653 годом, когда основатель нашего города – воевода такой-то такой-тович... – начинает вещать Беляночка. Она идет рядом с Росликом впереди всех. Они с ним заранее распределили роли: он ведёт, она говорит, потому что руфер и сталкер стеснялся. Он так и сказал журналистке: «Лучше вы, а то я стесняюсь!». Беляночка тут же согласилась – лишь бы он не отказался от вылазки. Ей сама эта идея представлялась грандиозной и необычайной, поэтому она заранее порылась в инете, проконсультировалась с краеведами и набросала небольшой универсальный текст – для начинающего экскурсовода по любым подземным речкам.

Беляночка успевала и вещать, и без остановки щёлкать затвором большого редакционного фотоаппарата. Это ведь снова полоса с анонсом на первой – на зависть Дашкам Гориным всего мира!

– Дальше километра углубляться не будем! – опять голос Коли с задних рядов. – Примерно через сорок минут повернем обратно...

За парочкой молодых экскурсоводов бесшумно шел диггер Сергей. Его точные и тихие движения совсем не походило на хлюпанье и шлёпанье, которое производили остальные – особенно два парня с

телеканала. Один из них нес на плече большую видеокамеру, другой, чертыхаясь, тащил толстоножный штатив. Уже минут через 15 телевизионщики попросили всех остановиться.

– Дальше не пойдем – давайте вас здесь запишем? И мы вернемся назад, нам отснятого материала за глаза хватит! – попросил парень со штативом.

Сначала несколько слов в камеру сказал Рослик, затем – Коля и Беляночка. Оператор подбирал для фона самые красочные места бетонки, нещадно светя на говорящих переносным прожектором. Ровно через пять минут их стало на три человека меньше: эмчэсовец вызвался проводить телевизионщиков назад к роднику.

– Подождите меня здесь. Я минут через 20 вернусь. Без меня ни шагу! – предупредил Коля и похлопал вслед за парнями с видеокамерой. Скоро их фонари скрылись, так как бетонка делала изгиб ближе к Катькиному роднику.

Девчонки-гимнастки стали шушукаться, смеяться и отошли чуть в сторону. Сергей осмотрелся по сторонам и сказал:

– Я метров на десять вперед пройду – скоро вернусь!

Рослик пожал плечами и кивнул: он в охранники не нанимался, люди все тут взрослые. Беляночка, стоя в вялотекущей воде Бригадирки, оперлась спиной на трубу, и руфер сразу вспомнил про Синдру.

– Вспоминаете свою прошлую вылазку? – догадалась журналистка. – Не переживайте! Зато смотрите, какая у нас хорошая экскурсия получаю...

– Парень! Тебя Росликом, кажется, зовут, да? – раздался громкий голос ушедшего вперед мужчины. – Можно тебя на секунду? Хочу спросить кое о чем...

Молодой диггер махнул Беляночке, чтобы она подождала его здесь, и пошлепал вперед. Он думал, что увидит фонарик Сергея метров через пятнадцать, но нет – впереди темно.

– Сюда, сюда! Я кое-что интересное здесь увидел! – мужской голос доносился будто уже издали. Рослик повернул налобный фонарик в сторону и успел заметить блеснувший огонек впереди – метрах в пятидесяти.

– Обождите! – крикнул он Сергею. – Я сейчас вас догоню.

Он прошел шагов сорок – и увидел, что фонарик идущего впереди мужчины отделился от него еще метров на сто.

– Да по стойте! Мы так оторвемся от остальных! Что вы там заметили? – крикнул в темноту бетонки Рослик.

– Вот здесь. Еще буквально несколько шагов. Сюда, сюда! Смотрите... – голос удалялся.

Руфер ускорился. Когда он дошел до того места, где видел в последний раз огонек, мужчины там не оказалось.

– Серге-ей! – позвал Рослик. – Где вы? Я поверну назад – иначе нам от МЧС достанется! Серге-ей!..

И тут что-то темное и твердое ударило его по голове. Потом еще раз и еще. Пару раз он приходил в себя на несколько мгновений, понимал, что его куда-то тащат и что он захлебывается мутной водой. И дальше – чернота, отсутствие всего.

* * *

– Есть четыре главных места и три – побочных. Таково устройство города. Оно таким было изначально. В трех ты побывал, осталось еще одно. В четвертое иди лучше с девчонкой, у которой нет матери. Не спрашивай, почему так, – просто надо и всё...

Голос был папин, но говорил с ним не он – это Рослик хорошо запомнил. Руфер висел на тонких верёвках, привязанный за руки и за ноги, растянутый, будто звезда. Но ему не было больно или плохо. Кругом – густая темнота, однако он видел тысячи каких-то серых силуэтов; они скользили и извивались – всё пространство наполнялось ими.

– Кто вы? – спросил руфер. Он спрашивал, но не слышал своего голоса.

– Мы те, кто мы есть. Мы здесь живем, – ответил голос, который сопрягал в себе миллионы других голосов и звуков. Рослик улавливал в нем шум ветра, шуршание шин об асфальт, настырные позывные уличной рекламы, стрекотанье железных колес трамвая, одинокий лай привокзального пса, безрадостную сирену скорой, настойчивую дрель соседей сверху, гудение высоковольтных линий – оттуда, оттуда, отовсюду – от серых пляшущих силуэтов, звуки и голоса, голоса и звуки.

Затем пошли запахи – вонь мусорных баков и подвалов с протекающими трубами, аромат свежего хлеба, киосков с шаурмой и шашлыками, утреннего кофе, ладан разрушенного храма на Соборной, оконный пластик и бетонные ступени школ, телесный кафель детсадовских столовых, картонные коробки с рынка на дамбе и железные, пропитанные Волгой, пролёты старого моста.

Рослик вдыхал и впитывал, внимал и слушал.

– Вы – это У.? – спросил он.

В ответ – смех, отраженный от тысячи пляшущих фигурок, распадающийся на осколки серых незаметных ртов.

– Наоборот... наоборот... – отвечали голоса. – У. – это мы. Мы здесь, и мы тут, тут, тут. Мы любим, когда любят нас. Мы – ревнители и охранители. Если ты с нами, то ты уже не против нас. Если мы впускаем, то уже навсегда. Мы зовем – и нас слушают.

Сознание Рослика удвоилось, утроилось и размножилось. Какой-то частью себя он не понимал того, что ему отвечают, боялся их ответов, отторгал их, называл их скучными и стрёмными. Другой – принимал, благословлял и смеялся с ними. Да и как можно не понимать очевидного? У. есть У., город есть город. К этому ничего не прибавишь и не убавишь. Мы здесь живем, и мы – ревнители. Мы любим тех, кто нас любит!

И мы отрываем головы тем, кто посягает на наших... Мы выгрызаем им внутренности. *Мы вычеркиваем их из книги памяти навсегда.*

Понимаешь, Рослик?

* * *

– Рослик! Рослик! – Синдра била его по щекам. Он промок насквозь, ему хотелось сухости и тепла. А, нет, нет, стой... Ее зовут не Синдра, а...

– Эй, парень! – еще один тревожный голос. – Ты как? Иди сможешь? Мы возвращаемся. Немедленно!

Над ним навис эмчэсовец. Сбоку жались две испуганные фигуры девчонок-гимнасток, которые подсвечивали лица друг друга фонариками.

– Я... – он нащупал влажную стену бетонки и встал потверже на дно Бригадирки. – Где я? Что...

– Ты свалился в обморок – судя по всему, – तो-ропливо стала объяснять Беляночка («а да, да, вот как ее зовут!»). – Ты зачем-то ускакал вперед, а мы тебя звали-звали. А потом вот пришел Николай, и мы тебя нашли.

– Это ладно ты хоть голову из воды додумался вытащить! – мрачно добавил эмчэсовец. – А то бы плавал, блин, здесь кверху брюхом. Сказал же по-русски: обождите меня! Ну чё как дети, ей-богу?!

– А этот... – молодой диггер осторожно ощупал на голове две здоровых шишки. – Который Сергей. Его тоже нашли?

– Какой Сергей? – Беляночка тревожно смотрела на Рослика, светя ему налобным фонарем прямо в глаза.

– Ну с нами был. Диггер... – он морщился и отворачивался, пытаясь уклониться от света. – Черные волосы у него еще. Сергей...

– Ладно, баста, карапузики! Возвращаемся, – сказал эмчэсовец. – Видимо, глюкануло тебя, парень, основательно. Нельзя тебе по трубам шастать. Давай руку, диггер, а то еще опять шандарахнешься...

– Какой Сергей, Рослик? А? – вполголоса спрашивала его Беляночка, шлепая сапогами сзади. – Николай проводил парней с телеканала, с нами только девчонки остались, ты да я. А потом ты зачем-то вперед побежал...

– Идемте, идемте, – поторапливал их эмчэсовец. – Снаружи разберёмся, кто там и где. Сергей там или воробей. И так мне с вами мороки тут на целый день...

Рослик молчал до самого Катькиного родника. В голове стоял туман, у него было такое чувство, что внутри – сотни таких, как он. И все о чем-то говорят, спрашивают и смеются.

Когда показался полукруглый выход, он отчетливо услышал знакомый звук, – будто кто-то огромный в самой глубине бетонки вздохнул и затих. Девчонки-гимнастки вздрогнули и, не оборачиваясь, первыми сиганули в озерцо, образованное водами родника. Рослик вылез вслед за ними на берег, улыбаясь. Голова уже перестала болеть, ноги совсем не дрожали. Сегодня он точно узнал что-то новое: всё-таки у него и впрямь было сердце настоящего исследователя.

Спасибо тебе, папа, за маленькие радости!..

3.

Он лежит на упавшей бетонной свае, рука с блестевшей на солнце губной гармошкой застыла на груди, глаза закрыты, расслабленное тело заряжается, будто аккумулятор от розетки.

«Все-таки тут точно место силы! И как же я сюда, чуваки, давно не забредал... Была б моя воля – остался бы здесь жить. Заброшка ты моя родненькая!»

Он потягивается и открывает глаза. Подносит гармошку к губам и начинает импровизировать. Старый тополь, растущий около полуразрушенного

здания, слегка покачивается от ветра, будто подчиняясь музыке Рослика.

С Беляночкой он не виделся несколько дней – с тех самых пор, как они сходили в бетонку. Она звонила ему, рассказывала, что вышла клёвая статья про их вылазку. Также говорила, что дело с Бригадиркой понемногу движется: городские власти вроде как заинтересовались одним торговым центром, который построили над самой бетонкой. Обещают его снести. Он угукал в ответ, слушал ее, но не слышал. Честно говоря, он как-то подостыл к этой теме, сменил ориентиры.

Не-е, Бригадирка, – конечно, круто. Тут никто не спорит. Но дело совсем не в ней. Он теперь это понимал. Если бы вдруг понадобилось... Если бы *им* стало нужно, то речку бы освободили в два счета. А если она столько лет в бетоне – то и пусть! Дело не в ней. А в чем же тогда?..

Вот этого он как раз и не знал, и это его доставало всё сильнее. Он тысячекратно пытал свою память, но не мог вспомнить, что именно говорили ему они – там, в Бригадирке. Когда Сергей... или Виктор, или как там его – ударил его по голове.

«Они точно говорили со мной и просили что-то сделать. Но что? Убей – не вспомню. Хоть пытайте меня!». И что с этим делать, как жить дальше – не ведал.

Рослика мучило и тяготило то, что даже столовая перестала привлекать его: там теперь никто не тревожил сон сторожей. Играть на гармошке в столовке почему-то тоже расхотелось. Когда он пытался это делать, возникало ощущение, что его никто не слушает. Точнее, не так: слушать-то слушают, но без прежнего внимания. Будто сейчас важнее другое. Но что? *Что?*..

Глава 6. Из склепов – на гору

1.

Катик вцепилась мне в руку мертвой хваткой и не отпускала до самого дома. Бледная, молчаливая, очень маленькая для своего возраста, она была похожа на Козетту из подземелья.

– Катик, ну чего ты молчишь? На кого ты стала похожа? Ведь тебя не в тюрьме держали – в этом реабилитационном центре и игровые комнаты, и воспитатели добрые! Ну?

Дома она разревелась, как трехлетняя девочка, плакала долго, размазывала сопли по лицу, а я молча гладила ее по голове. Через 15 минут мы пошли на кухню пить чай, через полчаса болтали и смеялись как ни в чем не бывало.

Отец спал в соседней комнате. Администрация магазина и охранник, с которым он подрался, не стали писать на него заявку, так что его отпустили без проблем. К вечеру он даже вышел пообщаться с нами и был – как выразилась Катя – «почти вменяемый».

Всю ночь я не могла сомкнуть глаз, вставала и осторожно ходила по залу, смотрела на сестру, пила на кухне кофе. К утру до судорог в горле захотелось курить, хотя я этим никогда серьезно не увлекалась – так, иногда баловалась с друзьями.

– Ну что такое? Что со мной? Всё ведь нормально. Катьку отвозили, отца вызволили, чего еще надо для счастья? – спрашивала я себя и отлично

понимала, что играю сама с собой в кошки-мышки. Всё я хорошо осознавала и чувствовала – никакой смутности, всё яснее ясного.

Мне хочется в У., мне хочется к маме. Она зовёт меня к себе, ждет вместе с Катиком. А я тут прохлаждаюсь, теряю целую ночь! Как ни странно, о Супониной и нашей научной работе я почти не вспоминала, это отошло куда-то на периферию – перестало быть интересным и значимым.

Утром я объявила, что сегодня же уезжаю в У. и – барабанная дробь – кое-кого возьму с собой! Если бы я неожиданно вручила Катке 11-й айфон – ее главную мечту последних трех месяцев – и то она бы так не вскочила и не заорала от радости.

Но потом пыл ее поулег: она вспомнила о папе. Я ответила, что на этот счет договорилась с тетей Леной. Я, конечно, не стала говорить сестре о том, что всё равно уехала бы в У., – даже если бы соседка не согласилась присмотреть за отцом.

Уже в поезде, смотря на ночное Подмосковье, пробегающее мимо окон, я поймала себя на мысли, что смогла бы – и это действительно ужасало меня – смогла бы уехать в У. даже без Кати. Потому что так надо, потому что меня звали и ждали – и хотела бы я посмотреть в глаза тому, кто смог бы сопротивляться этому зову.

2.

Супонина встретила нас невесело: ей нездоровилось.

– Как бы вот этот новый вирус не подцепить... Остальное не страшно, Наташенька. Вроде горло у меня не болит, но всё равно как-то не по себе. Давайте, девочки, устраивайтесь, я сейчас вас угощу с дороги.

Мы отнесли вещи в нашу комнату, и Катик залезла в душ. Однако к вечеру стало понятно, что у Татьяны Федоровны всё серьезнее. У нее поднялась температура, она всю ночь кашляла и жаловались на боли в груди. Рано утром я вызвала скорую, и ее увезли с подозрением на воспаление легких.

На нас, особенно на Катю, это произвело тяжелое впечатление, потому что после маминой смерти мы обе вздрагивали при одном упоминании о пневмонии.

Днем я созвонилась с Супониной, узнала, как она себя чувствует.

– Ничего, Наташенька, температуру сбили, с легкими тоже, кажется, полегче: дышать хоть могу. Видишь, как я тебя подвела: не сможем мы нормально закончить нашу работу в У.

Я ответила, что всё это пустяки, главное, чтобы она поправилась. Спросила, что ей можно принести, и затем мы отправились с сестрой в супермаркет. После съездили в местную инфекционку и вручили медсестре передачку для Татьяны Федоровны – до самой пациентки, понятно, не допустили.

– Хочешь прогуляться-развеешься? – спросила я Катю, как только мы вышли из больницы; у меня пересохло горло и похолодели руки – так хотелось бежать, лететь в Малиновку. – Здесь есть прекрасная роща, и погода как раз подходящая.

Катик кивнула, и мы пошли на остановку. В моей сумке уже лежал запасенный фонарь, бутылка воды и теплый свитер для сестры. Всё-таки в подземном коридоре прохладно.

* * *

Я нашла бы склеп с закрытыми глазами, хотя была там только раз. Катик, видимо, что-то заметила в моем лице, так как молчала всю дорогу. Когда мы прошли участок с краснолиственным кустарником, она потянула меня за руку:

– Наташа, что с тобой? Куда ты меня так тащишь?

– Сама увидишь. Катик, сама всё узнаешь! Ты мне веришь?!

Сестра посмотрела мне в глаза и медленно кивнула.

– Тогда пошли! Верь, всё будет хорошо. Всё будет потрясающе...

Внутренне я, наверное, знала, что встречу его там, но всё равно застыла на месте, увидев Ташина возле склепа. Он сидел на том же месте, что и в прошлый раз – после того, как я пришла в себя. Как и в тот день, он курил и не смотрел в нашу сторону.

– Сестру привела? – спросил он хрипло.

– Да, – ответила я. – Она имеет право увидеть. Как и я.

Он помолчал, выдохнул дым и кивнул.

– Хорошо. Давай так: я ее сам провожу, а ты пождешь здесь снаружи.

– Нет! – я это крикнула так резко, что испуганная Катя отшатнулась от меня.

– Что вы хотите сделать... со мной? – ее испуганные глаза чуть отрезвили меня. Я не помню, чтобы она когда-нибудь так смотрела в мою сторону.

– Катик... – я задыхалась. – Мама... Она там. Ты с ней сможешь увидаться.

Сестра отступила на два шага назад, глаза ее покраснели.

– Наташа, что с тобой? Пожалуйста, пойдём отсюда! Кто этот мужик?

– Послушай, – я старалась взять себя в руки. – Я там была. И я не сошла с ума. Там проход – в этом склепе. Не бойся, там ничего страшного нет. Я там была – и я встретила маму! Это было, и это правда. Я когда-нибудь тебя обманывала?

– Наташик, – Катя заплакала. – Мама умерла, она не может нас там ждать...

– Может! – я уже не могла сдерживаться. – Павел Сергеевич, объясните ей наконец! Скажите ей...

Ташин молчал и курил. Я сделала шаг к сестре, та попятилась назад. И в этот момент из-за поворота вынырнул мужчина, парень – я его сразу узнала. С вороньими волосами и татушкой дракона на шее. Он остановился, увидев нас, Катя обернулась и тоже замерла.

– Та-ак, – сказал краевед и встал с пригорка. – Это еще что за явление? Тебе что здесь надо? У нас тут дело...

– У меня тоже, – спокойно ответил неожиданный гость. – Я иду с вами. Мне так сказали.

Катя поворачивала голову то на меня, то на него и молчала.

– Идите пока к нему, – кивнула я на Ташина. – Нам с сестрой нужно побыть вдвоем.

Диггер будто только этого и ждал – и, обойдя Катю, стоявшую на тропинке, пошел к краеведу.

Я потратила минут десять на уговоры – и сестра сломалась. Всё-таки в нашей семье за главную оста-

лась я, и она точно знала, что я никогда не потащила бы ее туда, где опасно. Честно говоря, я даже не помню, какие слова придумала, чтобы ее уговорить, – мысленно я уже шла по подземному коридору.

Мужчины тоже успели побеседовать и, судя по молчанию, – просто ждали нас, чтобы пойти. Ташин был мрачнее тучи, но в коридоре меня перестало это заботить.

– Я впереди, вы... ты, Рослик зовут же? Рослик замыкающий, девушки в середине. Полезли. Если уж решились – нечего тут рассусоливать. А предупреждать вас бесполезно: у вас на лице всё написано. Вперед...

Через некоторое время Ташин попросил нас замолчать – хотя мы особо и не говорили. Я уже намного лучше ориентировалась в коридоре: такое ощущение, что я приходила сюда десятки раз. Катю пустила впереди себя, и, когда она иногда оборачивалась ко мне, свет фонаря выхватывал не лицо сестры, а застывшую маску.

«Пусть, пусть... Она мне потом спасибо скажет!.. Я тоже сначала боялась, а теперь понимаю, что, быть может, для этого момента и жила. В этом и состоит смысл – главная цель бытия. А ради чего мы еще живем? Именно для этого! Чтобы встретиться, чтобы прикоснуться, чтобы обрести то...»

– Пришли! – прошептал Павел Сергеевич.

Все встали, повернувшись друг к другу. Только тут я обнаружила, что мы уже добрались до развилки.

– Выключайте фонари. Ничего не бойтесь. Каждый увидит свое, – сказал наш проводник и повторил: – Каждому – свое. Просто помолчите и послушайте. Глаза лучше закрыть.

Минуту ничего не происходило. Тишина стала осязаемой, как кирпичная стена. И тут воздух вздрогнул. Послышался один тяжелый вздох, другой. В одно мгновение мир разорвался на части от невыносимого скрежета и визга. Кто-то большой несся к нам – кто-то ужасный. Затем рядом закричала девушка. Кто это? Кто она? Катя? *Господи, Катя!!*

3.

Длинный стол накрыт белой скатертью, из еды – суп, блины, изюм с рисом, кисель, компот из сухофруктов. Возле каждой тарелки – аккуратно сложенные платочки и наполненные рюмки.

– Уж лучше поздно, чем никогда! – отец улыбался и ничего не ел. – А гостей-то сколько с собой привел! Девчонку вон я вообще впервые вижу. Это хорошо, очень хорошо.

Он кивнул куда-то в сторону, и Рослик, повернувшись, заметил небольшую девочку и рядом с ней двух женщин. Они ели и о чем-то говорили вполголоса. Первой не больше двадцати пяти лет, где-то он ее встречал. А со второй – пожилой – руфер был незнаком.

– Павла-то Сергеевича мы здесь хорошо знаем: часто заходит. Вон они – с супругой, – папа показал куда-то на дальний конец стола; там же сидел улыбающийся Иван Иваныч Соболев, но Рослику было не до него. – Да и ты вот, сынок, зачастил к нам... Кстати, как твое исследование? Продолжаешь?

Руфер улыбнулся и пододвинул поближе тарелку с супом:

– Несколько мест прошел, на Бригадирке вот подзадержался. Говорят, еще надо в одном побывать – не могу вспомнить, в каком...

– Ты ешь, ешь. Да, точно, побывать надо в самом важном месте, – согласился отец. – Важнее прочих... А может, ты уже и был там? А? Но сейчас не об этом. Самое главное, что ты не останавливаешься на достигнутом. Мы такое любим. И всегда помогаем настоящим исследователям. Особенно – тем, кто приводит с собой новых гостей.

Отец открыл бутылку водки и налил себе и сыну. Несмотря на то что за столом сидело много народу, Рослик их как-то не замечал и слушал только папу.

– Давай-ка хлопнем, сын, за встречу! – они чокнулись. У диггера мелькнула мысль, что там они, кажется, никогда не пили водку вместе. Но где это – там?

После спиртного ему захотелось блинов с медом; затем Рослик налёг на рис с изюмом. Отец ничего не ел, но зато с удовольствием смотрел, как уплетает угощение сын.

– Пойдем-ка, Рослик, я тебе кое-что покажу, – папа приподнялся из-за стола. Они прошли по чистой зеленой улочке с аккуратными белыми домиками по обе стороны. Дышалось легко; белизна зданий радовала глаз.

– Заходи! – отец толкнул дверь одного из домиков. – Вот смотри: на первом этаже – моя комната. Нравится?

Рослик осмотрел и присвистнул: ништяк, что и говорить. Дом внутри – в стиле деревенской избы из таких кругляков сосновых. Мебели нет, но уютно.

– А на втором – твоя, – отец опять улыбается. – Показать?

Да, нет проблем. Конечно, показать. Поднялись по винтовой лестнице – очень красивой, тоже под дерево. Образовался коридорчик, ведущий к двум дверям. Папа открыл правую, а там – детская кроватка, игрушки, всё светло-светло кругом.

Рослик оглядывает всё это добро и смеется.

– Знаешь, как я скучал, сынок! Знаешь, как я скучал! – отец обнимает его одной рукой, и диггер прижимается к нему. Он почему-то никак не может нащупать спину отца, руки всё хватают пустоту.

– Пап, а вторая комната для кого?

– Так для мамы! – торопливо отзывается тот, кого обнимает Рослик. – Мы и ее позовем. Вдвоем-то дело быстрее получится.

Руфер всё пытается поймать спину отца, как-то почувствовать его; он тоже скучал по нему, он хочет какой-то полноты, чтобы что-то дрогнуло в душе, но – не выходит.

Тогда сын пытается отстраниться от обнимающего, чтобы задать другой вопрос – про кроватку: она ведь для него маленькая, он давно вырос.

– Пап, а... – начинает он, но объятия вдруг каменеют. Руки отца становятся холодными, как батареи отопления в сентябре. Рослику хочется вздохнуть, но руки сжимаются всё сильнее и сильнее.

– Папа... – задыхаясь, шепчет сын. – Я не могу дышать, пусти!

Но каменные руки сближаются, Рослик вытягивает голову вверх и кричит. Хруст костей в плечах и груди, холод каменных рук... И пыль, кирпичная пыль повсюду – в глазах, ноздрях, зубах.

4.

Кирпичная пыль повсюду. Я кашляю и пытаюсь освободить руки. Но их нет. Совсем. Куда они делись? Ничего не вижу.

– Кто-нибудь... Господи, кто-нибудь! – губы разлипаются с трудом. Сначала ничего не слышу, потом – тоже стоны.

– Кто там? Катя? Павел Сергеевич? Помогите!

Тут кто-то добирается до меня и что-то делает. Вижу слабый свет.

– Сильно вас побило? – голос молодой и незнакомый. Вспоминаю, что с нами был еще кто-то. Антон?

– Антон...

– Я Рослик. Сейчас я помогу вам.

Он светит смартфоном и выкапывает меня откуда-то – из-под кучи кирпичной пыли.

– Что случилось? Катя? Где Катя? – я вздрагиваю всем телом и, почувствовав руки, помогаю себя откопать.

– Не знаю. Их я еще не нашел.

– Ищите, ищите скорей же! Ради Бога! Бросьте меня, я в порядке, ищите!

Он отходит, а я, прислонившись к стене, пытаюсь прийти в себя. Голова кружится; тупо слежу за отдаленным светом фонарика, в котором столбом стоит кирпичная пыль.

С величайшим облегчением слышу отдаленный стон Кати. Жива! Но, может, искалечена? Собираюсь с духом и ползу в ту сторону. Там светит фонарик парня-диггера. У Кати ссадины на лице и слегка повреждена рука. В остальном, кажется, хоккей.

– Мы сможем выбраться отсюда? – спрашиваю я Рослика. Тот делает какой-то жест – я не вижу в темноте, потому что фонарик цел только у него.

– Я сейчас буду выяснять...

– А Ташин?

– Пока не нашел его. Попробую сейчас еще всё облазить кругом. У вас смартфоны есть с фонариком?

– У меня есть! – говорит Катя. Голос у нее сильный, но спокойный. Я радуюсь про себя, хотя понимаю, что, если мы выберемся из этой передраги, буду корить себя за это всю оставшуюся жизнь. Но только бы выбраться.

Сестра включает фонарик в телефоне, и мы остаемся с ней сидеть среди кучи обвалившихся кирпичей. Что могло вызвать обрушение? Мне совсем не хочется об этом думать.

– Он ищет пожилого мужчину? – спрашивает Кати. Я киваю, и мне вдруг становится так ее жалко, что я обнимаю ее и плачу.

– Прости меня, Кати! Я сумасшедшая. Меня надо лечить в психушке! Как я могла тебя во всё это втянуть?..

– Ерунда, – отвечает мне младшенькая. – *Зато я видела маму!..*

Я закрываю глаза и прижимаю ее лоб к своему. Рослик возвращается минут через десять-пятнадцать.

– Я не нашел его. Обвал не такой большой –

только в районе развилки. Под кирпичами его точно нет. Надо выбираться и звать на помощь.

Он помогает нам встать, и мы идем обратно. Слава Богу, дорога хоть и усложнилась, но проход нигде полностью не завалило. Через сорок минут мы видим солнце.

5.

Как-то поздней осенью Наташа Кожева проснулась часа в три ночи и, стараясь не шевелиться, начала складывать – пазл за пазлом – только что приснившийся сон. Там было всё то, что почти стерлось из ее памяти, выветрилось – ради нее самой, чтобы спасти ее и Катю.

«Склепы, коридор, Рослик, Ташин и... И мама. Господи, какое же всё живое и реальное было в этом сне! Намного реальнее, чем моя теперешняя, никому не нужная жизнь...»

Тут она одернула себя и вспомнила о Кате. Вот она-то и есть реальность. И законченная наконец-то аспирантура – реальность. И отец, который вдруг вздумал лечиться, – тоже. Это и только это по-настоящему важно.

Она открыла на смартфоне почту и вздрогнула, увидев, что пришло уведомление о личном послании из ЖЖ. У нее не было знакомых, кто еще сидел бы в «Живом журнале»: все слиняли в другие соцсети. Кто? Кто... кто мог бы...

«Я провожал вас на вокзале, Наташа. Тебя, Катю и Супонину, дай Бог здоровья твоей научной старушке!..»

Я смотрел тебе прямо в глаза – со второго этажа желтого вокзала и желал только одного: чтобы ты никогда больше не вернулась в наш город...

И всё-таки я очень на это надеюсь. Потому что тебя здесь ждут. Ждут по-настоящему, страстно! Мы знаем тебя и любим. Понимаешь? Так что приезжай – если надумаешь...

Ташин».

* * *

Человека, сидевшего на вершине буквы «С», заметили лишь двое водителей – из десятка автомобилей, проехавших в полтретьего ночи по Майской горе. Надпись с названием города У. была выложена из разноцветного щебня и красовалась уже много лет.

Но лишь один из тех, кто увидел сидевшего там Рослика, смог уловить и нечто другое – узкий летящий серпик, прочертивший странную траекторию от Майского леса до самых звёзд. Серебряный НЛО немного напоминал губную гармошку, блеснувшую на ярком солнце.

Заметил звёздного гостя и Рослик. Еще бы: ведь он ждал этого, он за этим сюда и пришел. В конце концов ему пообещали, что встреча обязательно состоится – а он верил обещаниям. Ведь городу всегда есть чем поделиться со своими исследователями...

Хей-хо, чуваки! Хей-хо.